

всесторонняя история в романах

Екатерина ГЛАГОЛЕВА

ПОЛЬСКИЙ БУНТ

Всемирная история в романах

Екатерина Глаголева

Польский бунт

«ВЕЧЕ»

2021

Глаголева Е. В.

Польский бунт / Е. В. Глаголева — «ВЕЧЕ», 2021 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8619-7

Весной 1794 года Польша, уже во второй раз вынужденная отдать часть своих территорий России, Пруссии и Австрии, восстала под руководством Тадеуша Костюшко, героя Войны за независимость США, чтобы вернуть себе целостность и суверенитет. Остаться в стороне не мог никто: либо ты поддерживаешь восстание, не считаясь с жертвами, либо помогаешь захватчикам; патриот ты или верноподданный, в чужих глазах ты всё равно либо изменник, либо предатель. Что могут Польша и Литва одни против трех сильных врагов? Да еще эти вечные раздоры между поляками и неспособность действовать сообща... Восстание разгромлено, его вожди в плену, Суворов входит в Варшаву, проложив себе путь огнем и мечом.

ISBN 978-5-4484-8619-7

© Глаголева Е. В., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Об авторе	6
Глава I	8
Глава II	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Екатерина Глаголева

Польский бунт

Правда выше и светлее всего. Ее нельзя увидеть смертным глазом даже в день великой радости, печали и славы. Беда дерзкой душе, пожелавшей проникнуть сквозь время к ее тайнствам. Беда тому, кто невооруженным глазом посмотрит на нее: лучи света ослепят его и, подобно мрачной сове, низвергнут будет в пропасть лжи и тьмы, но все верные увидят великий день, высший свет покроет их, и тогда высшая мудрость снизойдет к всеобщему употреблению, а правда станет единой для всех.

Брамин, или Индиец. Выписка из моральных книг великого бога, индийского философа, своим единоверцам в качестве правила жизни поданная.

(Тайное наставление к подготовке восстания в Литве)

Знак информационной продукции 12+

© Глаголева, Е., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

ООО «Издательство «Вече»

<http://www.veche.ru>

Об авторе

Дипломированный переводчик Екатерина Владимировна Глаголева (р. в 1971 г.) начала свой литературный путь в 1993 году с перевода французских романов Александра Дюма, Эрве Базена, Франсуа Нурирье, Фелисьена Марсо, Кристины де Ривуар, а также других авторов, претендующих на звание современных классиков. На сегодняшний день на ее счету более 50 переводных книг (в том числе под фамилией Колодочкина) – художественных произведений, исторических исследований. Переводческую деятельность она сочетала с преподаванием в вузе и работой над кандидатской диссертацией, которую защитила в 1997 году. Перейдя в 2000 году на работу в агентство ИТАР-ТАСС, дважды выезжала в длительные командировки во Францию, используя их, чтобы собрать материал для своих будущих произведений. В тот же период публиковалась в журналах «Эхо планеты», «History Illustrated», «Дилетант», «Весь мир» и других. В 2007 году в издательстве «Вече» вышел первый исторический роман автора – «Дьявол против кардинала» об эпохе Людовика XIII и кардинала Ришелье. За ним последовали публикации в издательстве «Молодая гвардия»: пять книг в серии «Повседневная жизнь» и семь биографий в серии «ЖЗЛ». Книга «Андрей Каприн» в серии «ЖЗЛ: биография продолжа-

ется» (изданная под фамилией Колодочкина) получила в 2020 году диплом премии «Александр Невский».

Краткая библиография:

Дьявол против кардинала (роман). Серия «Исторические приключения». М.: Вече, 2007, переиздан в 2020 г.

Повседневная жизнь во Франции во времена Ришелье и Людовика XIII. М.: Молодая гвардия, 2007.

Повседневная жизнь королевских мушкетеров. М.: Молодая гвардия, 2008.

Повседневная жизнь пиратов и корсаров Атлантики от Фрэнсиса Дрейка до Генри Моргана. М.: Молодая гвардия, 2010.

Повседневная жизнь масонов в эпоху Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2012.

Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2014.

Вашингтон. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2013.

Людовик XIII. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2015.

Дюк де Ришелье. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2016.

Луи Рено. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2016.

Ротшильды. ЖЗЛ и вне серии: Ротшильды: формула успеха. М.: Молодая гвардия, 2017 и 2018.

Рокфеллеры. ЖЗЛ и NEXT. М.: Молодая гвардия, 2019.

Путь Долгоруковых (роман). Серия «Россия державная». М.: Вече, 2019.

Аль Капоне. Порядок вне закона. ЖЗЛ и NEXT. М.: Молодая гвардия, 2020.

Польский бунт (роман). Серия «Всемирная история в романах». М.: Вече, 2021.

Глава I

– Матка боска, что это?

Марыля рывком села на постели, и сердце тотчас заколотилось, пытаясь выпрыгнуть в горло. Что-то ухнуло так, что стены задрожали. Опомнившись ото сна, Марыля поняла, что это выстрелила пушка. Воздух гудел от набатного звона; басовитому колоколу костёла бернардинцев близ Замковой площади, знаменитому на всю Варшаву, вторили колокола у Святого Яцека на углу Мостовой и Фрета, в костёле паулинов на Длугой улице... Неужели пожар? Третьего дня на рынке говорили, что русские на Пасху хотят поджечь Варшаву со всех концов... Было раннее утро Великого четверга, только-только начало светать. Езус-Мария! И муж как вечером ушёл, так и не вернулся! Пани Килинская скинула ноги на пол.

Ладонь нащупала на подушке какую-то бумагу, которой тут вечером не было. Разобрать что-либо при свете ночника невозможно, да и недосуг. Молодая женщина торопливо надела салоп прямо поверх рубахи, стала было искать платок в темноте, но тут с лестницы послышался шум – кто-то спускался по ней, стуча сапогами и гремя саблей. Марыля поспешила следом.

Посреди улицы, с факелом в левой руке, стоял муж, и душа на миг озарилась радостью, прежде чем сжаться от тревоги. По Широкому Дунаю бежали люди – с ружьями, саблями, – и Килинский указывал им, куда бежать, выкрикивая распоряжения. До брони! До брони!¹ Топот ног и бряцание оружия смешивался с колокольным гулом; от этого страшного шума у Марыли к горлу подступила тошнота. Московский капитан, квартировавший в их доме на втором этаже (это он вперёд неё спустился по лестнице), подскочил к Килинскому и начал кричать; тот сделал резкое движение правой рукой; москаль согнулся пополам, а затем упал, завалившись набок; в свете факела блеснуло алое лезвие.

– Ян! – крикнула Марыля и лишилась чувств.

Обернувшись на крик, Килинский беззвучно выругался сквозь зубы. Тщательно подготовленная им революция началась, мешкать было нельзя, но и оставить на улице сомлевшую беременную жену тоже было невозможно. С севера, со стороны Мостовой и Фреты, уже доносились приглушенные выстрелы: мясники Сераковского, засевшие на крышах и колокольнях, вступили в бой с русскими солдатами; жажнула пушка; ветер донёс дружный крик – «...ееей»... Справа из какой-то дыры вылез казак и поспешил в сторону Рынка, торопясь к своим. Отбросив факел, Килинский кошкой прыгнул к нему и со всей силы стукнул по загривку рукояткой окровавленного кортика – подарка ксендза Мейера: вот тебе! Вот тебе! Никого больше своею пикой не поклоёшь! Наклонился над упавшим казаком, чтобы посмотреть, жив ли тот ещё, и тут на его левой руке повисла жена.

– Ян, что ты делаешь! Опомнись! – рыдала Марыля. – Для того вы с приятелями собирались и разговоры вели – чтобы ты людей убивал и чтобы тебя убили? Вспомни о детях наших! Ты хочешь нас покинуть, сделать их сиротами?

Голос её прервался, она теперь всхлипывала и выла без слов, словно уже осталась вдовой.

– Полно, полно! – пытался её успокоить Килинский. – Ступай домой, помолись Господу! Теперь уж началось, поздно отступать, надо защищаться! Ступай домой, Марыля, здесь опасно!

– Нет! – Она помогала простоволосой головой и, не выпуская руки мужа, заговорила исступленно, заглядывая ему в глаза: – Я жена твоя перед Богом и людьми; ты готов погибнуть за Отчизну, так я погибну вместе с тобой; вместе жить – вместе умирать; не вернусь я домой, пока ты сам туда не вернешься!

Что прикажете делать? С юга теперь тоже слышались выстрелы и крики, сливавшиеся в дикий гул; там Медовая улица, там проклятый Игельстрём – вот бы захватить его да потолко-

¹ К оружию! (польск.)

вать по-свойски!.. Накричал бы на глупую бабу, да не поможет. С бабами лучше хитростью. У Игельстрёма он ловко вывернулся две недели назад, когда уж готовы были волочить его в темницу как бунтовщика, по доносу, – притворился провокатором, – а уж с собственной женой и подавно сладит. Стиснув зубы и стараясь казаться спокойным, Килинский пошёл с ней домой, поднялся на четвёртый этаж, не торопя, давая перевести дух. Войдя в горницу, Марыля упала пред мужем на колени у самой двери, заклиная остаться, не сиротить детей. Янек, Францек и Ваврек проснулись и испуганно плакали; двухлетняя Марыся подбежала к матери и тоже заревела во весь голос; Агнешка захлебывалась плачем в колыбельке. Килинский гладил жену по волосам и по плечам, просил успокоить детей; никуда он не уйдёт, пусть замолчат только. Поднимая её с колен, он одновременно поворачивал её так, чтобы оказаться между ней и дверью, и незаметно нащупал рукой за своей спиной ключ, вставленный в замочную скважину.

– А где бумага, которую я тебе оставил? – вдруг спросил он.

– Бумага? Какая бумага? – растерялась Марыля.

– Очень важная бумага. Здесь, на постели, была.

– Ах да, я видела...

Марыля заметалась в поисках; Ян ловко вынул ключ из двери, выскочил в коридор и тотчас запер дверь с другой стороны.

– Ян! Открой!

Марыля барабанила кулаками в крепкие сосновые доски; детский плач зазвучал ещё громче, но Килинский уже бежал вниз по темной лестнице через две ступеньки, рискуя сломать себе шею. Ничего, пусть посидят взаперти. Он скоро вернётся и выпустит их. Вернётся с победой! Что, Игельстрём! Ты тогда пожелал узнать, сколько человек я, башмачник Килинский, смогу вывести на улицы! Ну так смотри – вот они!..

* * *

Дом русского посланника Игельстрёма горел. Пламя вырывалось из окон второго этажа, освещая нарядную балюстраду и бросая отсветы на толпы вооружённых людей, с обеих сторон бежавшие по улице. Екатерина Александровна как ушла, так и не возвращалась; Джейн истомилась от тревоги. Николенька встал на цыпочки у подоконника и тарашил глазёнки, глядя в окно; няня прижимала к груди годовалого Сашеньку. На лице её отразился испуг, когда Джейн как могла объяснила ей по-русски, что пойдёт искать барыню.

На улице она сразу прижалась к стене и не могла двинуться с места, парализованная от ужаса. Поляки, вооружённые ножами и тесаками, дрались с русскими солдатами, бросаясь на штыки; убитые падали и лежали тут же, под ногами у дерущихся; их кровь текла на мостовую, покрытую соломой – Игельстрём велел посыпать ею улицу, чтобы приглушить шум экипажей, докучавший его любовнице Гонорате Залусской, которая открыто жила в его доме и поправлялась после недавних родов... Теперь шум стоял такой, будто разверзлась преисподняя. «Бей москалей!» – неся клич. При каждом выстреле Джейн втягивала голову в плечи. Собравшись с мужеством, она побежала вдоль дома, юркнула в первую попавшуюся дверь и стала подниматься по лестнице.

– Кто ту ест? – послышался испуганный женский голос.

– It's me, – ответила Джейн, не сообразив, что тут не понимают по-английски. Потом сказала первое, что вспомнилось: – Пшепрашам пани...

Со второго этажа ей навстречу спустилась женщина в чепце и со свечой в руке, оглядела, схватила за руку и повела за собой. Джейн её узнала: это была хозяйка дома, где они снимали квартиру. Увидев в горнице Екатерину Александровну, она обрадовалась: нашлась! – но госпожа Чичерина производила впечатление безумной. Она смотрела перед собой немигающим взглядом и не отвечала, когда с ней заговаривали.

На лестнице послышался топот сапог, звяканье шпор, дверь распахнулась, и на пороге появился муж хозяйки в голубом мундире польских гусар, в черной конфедератке с высоким белым султаном и с офицерским шарфом. При виде двух русских женщин глаза его налились кровью.

– Преш з мего дому! – завопил он, схватившись рукой за эфес сабли.

Джейн обхватила Екатерину Александровну за плечи и поскорее вывела на улицу. Там они остановились в растерянности. Бой разгорался всё жарче, где-то в конце Медовой ударила пушка.

– Барыня! – послышался крик.

Няня с Сашенькой на руках стояла у стены; Николенька держался за ее юбку. Джейн не знала, что ей делать, куда податься. Она вздрогнула, когда кто-то похлопал её сзади по плечу.

– *Kommen sie, Fräulein, komm!* – пожилой немец в потертой куртке, штанах до колен и деревянных башмаках, надетых на босу ногу, делал ей знаки, чтобы они шли за ним. – *Ходзь ту!*

Это был стекольщик-пруссак, живший в том же доме на первом этаже, занимая пару комнаток при мастерской. Женщинам он отвёл чулан, где пахло пылью и замазкой; принес несколько охапок соломы, пару колченогих табуретов, поставил поганое ведро для отправления надобностей... За стеной, на улице, снова ухнула пушка; тотчас раздались крики боли и вопли ярости... Три молодые женщины бросились на солому, прижав к себе детей...

* * *

Поднятый с постели вестовым, Федор Сергеевич Гагарин наскоро оделся, поцеловал в лоб сонную жену и быстро явился к генералу Милашевичу. Небо со стороны Вислы только-только начало светлеть; воздух дрожал от колокольного звона; Варшава гудела, как растревоженный улей. Не все офицеры Сибирского полка оказались налицо: некоторые, квартировавшие в частных домах, погибли от рук своих хозяев; в окна стреляли, с крыш бросали камни. Офицеры и солдаты пересказывали друг другу то, что удалось узнать наверняка: в четыре часа утра отряд польской кавалерии атаковал русский караул между казармами и воротами Саксонского сада; тот дважды выстрелил из пушек и был вынужден отступить, поляки же подружили лафеты и вернулись восвояси. Но сразу же вслед за тем выступила вся конная гвардия: часть направилась к арсеналу, другая – к казармам; два пушечных выстрела подали сигнал бунтовщикам. Собравшаяся у арсенала чернь расхватывала ружья и сабли, которые им выбрасывали прямо в окошки. Приказы короля Станислава Августа выполнять отказались: гвардейцы заявили ему с чисто польской заносчивостью, что послушаются лишь зова своей чести. Говорят, что на русских солдат напали прямо в церкви или когда они выходили оттуда, отстояв заутреню, – это голос чести велел?! Везде был ералаш; русские отряды оказались отрезанными друг от друга и не могли подать помощи один другому. Стреляли в Нове-Място, палили на Медовой: два русских батальона обороняли дом генерала Игельстрёма. Король послал к нему своего старшего брата Казимира Понятовского с предложением покинуть город и вывести оттуда русские войска, иначе ему не успокоить народ. И вот прошёл уже час, а бой всё не прекращается...

Гагарин томился тревогой за жену. Зачем она приехала к нему – беременная, с двумя старшими детьми? Что теперь с ними будет?.. Впрочем, кто же мог предугадать... Пашенька любила его всей душой, как и он ее; ему, своему супругу, сосватанному родителями, она отдавалась со всем пылом нерастроченных чувств, разукрасив его образ яркими мечтами, которым предавалась во время полумонастырского житья в Смольном институте. Ей было двадцать три года, когда они обвенчались, ему – двадцать восемь. Сыновья Федор и Василий родились один за другим; потом началась новая война с турками. Вырвавшись в отпуск, Гагарин птицей полетел в Петербург – и в положенный срок родилась Верочка... Война всё не кончалась, и Пашенька не выдержала – приехала к нему в Яссы, по холодной, пустой, безлюдной молдавской

степи, ночуя в кибитке и согреваясь лишь своею пылкой, неугасимой любовью. Роды ничуть не повредили ее стройной фигуре; своей красотой княгиня Гагарина затмила даже Софию де Витт – первую одалиску в гареме светлейшего. Потёмкин, не знавший отказов, сразу положил на неё свой единственный глаз; Пашенька отвесила ему звонкую пощечину. И тотчас испугалась своей храбрости, не за себя – за мужа. Разве можно забыть эту сцену в низенькой молдавской хате, крытой камышом, с домоткаными половиками на земляном полу: он рвался вызвать светлейшего на дуэль; она удерживала его за руки, просила, умоляла... Каким влажным блеском сияли её темные глаза!.. Какой неистовой и нежной она была!.. Потёмкин вскоре умер; война закончилась; в урочное время родилась Наденька. Любочка последовала за ней год спустя, а когда Пашенька поняла, что снова в положении, полк Гагарина перебросили в Варшаву, и жена, убоявшись новой долгой разлуки, проделала вслед за ним тот же путь в длинном семейном рыдване... И вот теперь он здесь, строит в боевой порядок солдат на Свентокрыжской, а она там, одна, без защиты, и под ее окнами бродит разъяренная чернь! Совсем как во время пугачевского бунта двадцать лет назад...

Сибирцев было тысячи четыре, и Милашевич не сомневался в том, что отразит натиск дзялынцев, шедших из Мокотова, поскольку тех было не больше шести сотен. Офицера, присланного генералом Гауманом с уверениями в том, будто полк идет в Замок по велению короля, чтобы подавить восстание в городе, он велел арестовать: это была явная ложь. К тому же Милашевич получил письменный приказ Игельстрёма не пропускать полк Дзялынского. Этот приказ он показал и Станиславу Мокроновскому, королевскому камергеру, прискакавшему из Замка. Две пушки нацелили жерлами на улицу Новый свет – и вовремя: там как раз показалась колонна в темно-синих мундирах. Третья просьба их пропустить также была встречена отказом. Сбросив маску, поляки дали залп; русские в ответ выстрелили картечью. Когда развеялся дым, вся улица была усеяна трупами, но тут справа, со стороны Саксонской площади и Конского торга, показался другой отряд дзялынцев, за которым валила толпа мастеровых – тысячи и тысячи! Под натиском этой толпы русские отступили к собору Святого Креста, и там Гагарин быстро выстроил свой батальон в боевое каре. Это было сделано очень вовремя, потому что с Тамки, в гору, поднимался третий отряд...

Гагарин был закаленным воином; за Мачинское дело он получил орден Святого Георгия 4-й степени. Сделав ночью переход свыше тридцати верст, русские на рассвете обрушились на турок, которых было почти втрое больше, и, отражая все контратаки, захватили укрепленный лагерь и обратили их в бегство. Но тогда они сражались в чистом поле, где было пространство для манёвра. А здесь... В пороховом дыму не видно ни зги; раненые падали на убитых, живые спотыкались о тех и других. Польские бунтовщики подползали на брюхе, прячась за трупами, и потом стреляли в русских солдат почти в упор. Развернуться и перестроиться было негде, да ещё и нужно беречь заряды, которых осталось в обрез, а новых взять негде. Бой продолжался уже два часа. Каре плевалось огнём, каждый залп был убийственным, но залпы эти становились всё реже. Гагарин увидел, как Милашевича с залитым кровью лицом несут на руках в ближайший дом; значит, теперь он старший по званию.

– Слушай мою команду! – закричал он. – Пушки вперед!

Измазанные гарью солдаты в некогда светло-зеленых мундирах подтащили поближе к переулку два легких орудия; к Гагарину подскочил подпоручик-артиллерист:

– Ваше превосходительство, зарядов осталось на шесть выстрелов!

– Подпустить поближе! Стрелять картечью! Разом!

– Слушаюсь!

Канониры, взявшись за рычаги, навели пушки на наступающую толпу; первый номер умелым движением прочистил ствол банником, подносчик передал слева картечную банку, заряжающий вложил ее в ствол; развернув банник обратным концом, они вдвоем с первым номером загнали снаряд до упора. Второй номер проткнул протравником картуз; его товарищ

зажег пальник от фитиля; второй номер поднял руку вверх, давая понять офицеру, что оружие готово, но не успел подпоручик крикнуть «Пли!», как раздалось два ружейных выстрела, и оба солдата с пальниками замертво упали на землю; один фитиль погас.

Первая шеренга пехоты дала залп поверх голов пушкарей, но он получился недружным: кое-кому стрелять было уже нечем.

– Штыки к бою! – отдал приказ Гагарин.

– Пли! – отчаянно крикнул подпоручик.

Ещё два солдата упали, не успев донести пальник до затравки: у одного из шеи хлестала кровь, другому пуля попала прямехонько под левую лопатку.

Гагарин стал озираться, ощупывая взглядом крыши. Вон, вон они! Подозвав стоявшего поблизости унтер-офицера, он велел послать людей на колокольню собора и на чердак дома против дворца Тышкевича. Сам же вытащил из ножен саблю и прошёл вперед, намереваясь прорываться к Саксонской площади.

– За мной, ребята! Ура!

– Ур-а-а! – грянуло сзади, и этот клич, словно волной, подхватил Гагарина и понес его вперед.

– За Отчизну! – крикнул усатый поляк в красном жупане и темно-синем кунтуше, с заломленной на ухо конфедераткой на голове. – Руби москалей!

Гагарин мысленно выбрал его для себя: вот кого он убьет первым. Но тут пуля ударила его в правое плечо, развернув вполоборота; хлынула кровь. Перебросив саблю в левую руку, Гагарин побежал снова, выискивая глазами красный кунтуш. Неожиданно прямо перед ним вырос ражий детина – косая сажень в плечах, в длинном кожаном фартуке. «Должно, кузнец», – успел подумать Гагарин, прежде чем тот наотмашь ударил его железной шиной в висок. Свет померк...

* * *

– Ваше сиятельство, к вам генерал Бышевский! – объявил по-немецки капитан Оде-де-Сион. И тотчас посторонился, чтобы пропустить королевского адъютанта.

Игельстрём поморщился: он сидел в кресле, в шлафроке и без парика, положив большую ногу на скамеечку, а теперь надо вставать, кланяться старику... Молодцеватый Арнольд Бышевский, затянутый в ярко-красный камзол под темно-синим мундиром с серебряными эполетами и аксельбантами, не скрыл своего удивления от того, в каком виде застал главнокомандующего русскими войсками. Неужели он не понимает, что происходит? Ведь его дом в буквальном смысле слова горит!

– Его величество послал меня возобновить вам прежнее предложение и просит не медлить с ответом, – сказал он по-французски. – Пока еще возможно обуздать разбушевавшегося зверя, вам следует немедленно – я подчеркиваю: немедленно! – вывести войска из Варшавы. Иначе король будет не в силах...

– Я немедленно еду к королю! – оборвал его Игельстрём. Он схватил колокольчик с каминной полки и позвонил. В дверь за его спиной заглянул камердинер. – Одеваться!

– Нет-нет, вы не можете... подвергать свою жизнь опасности, – быстро возразил Бышевский. – На улицах разъярённый народ, вас... Я полагаю, вам следует послать кого-то другого.

Игельстрём в нерешительности обвёл взглядом комнату. Коренастый Оде-де-Сион так и остался у двери, поблескивая золотыми пуговицами на зеленом мундире с красным воротником и обшлагами. На его круглом широколобом лице с коротким носом не читалось ни страха, ни волнения. Послать его? Он же офицер по особым поручениям, доставшийся Осипу Андреевичу в наследство от прежнего главнокомандующего – Михаила Каховского... Этот савояр к тридцати пяти годам успел побыть монахом, гусаром, польским коронным офицером, прежде

чем перейти в прусскую службу, а оттуда в русскую – чтобы теперь уже воевать против поляков. Та еще шельма, наверное. Такому лучше не доверять: в любой момент вывернет мундир наизнанку. Да и жена его здесь, в Варшаве, на сносках, именишко под городом – своя рубашка ближе к телу.

У окна, занимая почти весь простенок своей исполинской фигурой, стоял Николай Зубов – старший брат нового фаворита императрицы. Именно благодаря их «платоническим» отношениям поручик-конногвардеец за три месяца был произведен в подполковники, полковники и генерал-майоры. Графом Священной Римской империи он стал всего на семь месяцев позже самого Игельстрема. А всего-то и достоинств, что собой хорош и в службе усерден! Да усерден ли? Сколько депеш он, Игельстрём, слал его братцу – Платону Александровичу, чтобы польскую армию ослабить, а русскую усилить – что в ответ получил? Только упреки в трусости! А теперь вот – любуйся, любуйся в окно, до чего это довело!..

– Дядюшка, разрешите, я поеду?

Андреас вышел вперед и щелкнул каблуками; звякнули шпоры. Осип Андреевич вззрился на него своими водянистыми глазами, бегая зрачками, чтобы племянник не мог истолковать его прямой взгляд как положительный ответ. Два младших сына его брата Густава, вверенные его заботам, сейчас находились далеко от Варшавы: двадцатитрехлетний Александр служил в пехотном полку Карла фон Гетца, девятнадцатилетний Густав, недавно произведенный в ротмистры, – в Изюмском легкоконном. Андреаса он оставил при себе, надеясь выхлопотать ему быстрое повышение по службе... За окном ухнула пушка, оконные стекла задрезали.

– Решайте скорей, ваше сиятельство! – выпалил по-русски Зубов.

– Хорошо, друг мой, поезжай.

Игельстрём встал, опираясь на трость, и отошел к окну. Андреас подскочил к нему, чтобы получить инструкции.

– Скажешь королю, что... Мы уйдем из Варшавы – с развернутыми знаменами, с трубами и барабанами! И пусть еще... Впрочем, довольно, дальше сам. Ступай. Behüt Dich Gott!²

Сев верхом, Бышевский и молодой Игельстрём потрусили по Медовой в сторону Сенаторской, но там им пришлось перейти на шаг: на узкой улице кипел рукопашный бой, русские солдаты отступали, теснимые поляками. Генерал сорвал с головы красноеверхую каскетку с белым плюмажем и стал размахивать ею, крича, чтобы его пропустили. Завидев среди толпы поляков красный гвардейский мундир генерала Мокроновского, он удвоил свою жестикуляцию, стараясь привлечь его внимание. Мокроновский тоже что-то прокричал, и поляки остановились. Русские гренадеры, которыми командовал фельдфебель с саперным тесаком, быстро построились в несколько рядов у входа на Медовую, выставив вперед штыки. Бышевский тронул коня рысью; цокот копыт по мостовой раздавался непривычно громко в наступившей тишине, но при виде Игельстрёма в белом кирасирском мундире с золотым шитьем толпа вновь взорвалась яростными воплями: «Бей! Руби!» Коня русского офицера схватили под уздцы, самого его стащили с седла; десятки рук взметнулись в воздух, чтобы обрушиться на распростертое, незащищенное тело...

– Остановитесь! Прекратите!

Бышевский разворачивал своего коня, пытаясь защитить Игельстрёма; конь встревоженно храпел, поводя диким глазом, потом поднялся на дыбы – и в этот момент брошенный кем-то камень ударил генерала прямо в голову, сбив парик; семидесятилетний старик грянулся оземь.

– З дроги, хамы! – ругался Мокроновский, пробиваясь к нему.

² Храни тебя Бог! (нем.)

Бышевского подняли и посадили на коня; он всё еще был без сознания, но дышал; из разбитого затылка текла темная кровь, запекаясь густой коркой на седых волосах. Поддерживая его за плечи, Мокроновский легкой трусцой двинулся в сторону Замка; несколько повстанцев бежали по бокам лошадей, чтобы в случае надобности принять раненого на руки. Растерзанное тело подполковника Игельстрёма осталось лежать на мостовой.

* * *

Богородица простерла свой покров над Яном Килинским и хранила его. Его красный кунтуш под синим жупаном был хорошей мишенью, и всё же, появляясь в самых опасных местах, он умудрился остаться жив. Когда русская пушка, установленная у резиденции Игельстрёма, плюнула картечью, стоявший рядом с Килинским капитан Линовский упал замертво; из шести польских солдат в живых остался один; половину повстанцев, тащивших орудия, поубивало, а по Медовой к Красинской площади уже скакала русская кавалерия. Бросив одно орудие, Килинский вместе с уцелевшими восемью людьми с трудом уволок второе, но вовремя подошло подкрепление, к Медовой подвели орудие помощнее и снова заставили русских отступить. Переступая через трупы, поляки захватили четыре пушки и попытались их развернуть – и тут на них снова налетела конница...

Захватив с собой четыре легкие пушки и нескольких канониров, Килинский хотел пробиваться по улице Подвал к Нове-Място, на помощь Сераковскому, но и там пройти не удалось. Прижатые ко рву и городской стене, москали огрызались, подобно волкам, затравленным собачьей сворой; пули и порох были уже на исходе, никаких приказов от вышестоящего начальства получить было невозможно; офицеры пребывали в растерянности, и каждый теперь боролся только за свою жизнь.

После того как русского подполковника, скакавшего за Бышевским, сдернули с коня и зарубили, сражение на Сенаторской возобновилось с новой силой. Кто где находится, понять было невозможно; совершенно неожиданно на узкой Козьей улице, идущей от Сенаторской к Краковскому предместью, Килинский наткнулся на москалей. Укрыться негде: с одной стороны – глухая стена усадьбы с нишами-часовенками, с другой – стена домов с накрепко запертыми дверями. Русские отступали, оставляя убитых; поляки шли по трупам и захватили две пушки и сотни ружей. Но Краковское предместье занял Сибирский полк генерала Милашевича, который атаковали дзялынцы. В переулках было не развернуться. Собрав несколько сот человек из разных цехов, Килинский повел их к Арсеналу, который безуспешно пытались отбить москали. Отогнав их несколькими залпами, им прокричали, чтобы они сложили оружие. Вместо этого охрипшие русские офицеры стали выстраивать остатки своих войск в боевой порядок. Новый залп, однако, возымел свое действие: солдаты начали бросать оружие и становились на колени, прося пощады. Офицеры метались между ними, крича, раздавая зуботычины – и тут поляки бросились вперед. Солдат обезоружили и отвели в цейгауз; офицеров убили на месте. Опьяненные кровью, уверовавшие в свою непобедимость мастеровые толпой отправились через Саксонскую площадь, мимо Брюлевского дворца, на Свентокрыжскую – пособить полку Дзялынского.

Засевшие на колокольне собора Святого креста граждане меткими выстрелами отправили к праотцам русских канониров, погасив фитили (узнать бы их имена – за кого Бога молить), и началась рукопашная. Прямо на Килинского бежал русский генерал, и Ян уже примеривался, как рубанёт его саблей, но его опередил кузнец, размахивавший железной шиной, точно палицей. К концу сражения от дзялынцев осталась едва ли половина; граждан тоже было перебито немало, и всё же они торжествовали победу. Первый смотр своей армии Килинский устроил у колонны короля Сигизмунда возле Королевского замка.

* * *

Острие косы старого Кроноса, держащего на своей согбенной спине небесную твердь, соскользнуло на цифру X – десять часов. По всем залам Королевского замка началась мелодичная переключка часовых механизмов. Амурчики в колеснице, запряженной собаками, вызвали французскую песенку, бывшую в моде в 1757 году. Раньше эта мелодия всегда возвращала Станиславу Августу улыбку, сегодня же только усилила острое чувство тоски. Он встал с кресла и подошел к окну своего кабинета, откуда была видна Висла. Вот плывет какая-то лодка под треугольным парусом... На том берегу волов пригнали на водопой... В прихожей послышался шум голосов, в дверь робко постучали.

– Что там ещё? – спросил король, не оборачиваясь.

Дежурный офицер был смущен и толком не мог объяснить, в чём дело. Видя, что король уже теряет терпение, он наконец сообщил, что депутаты от восставших горожан привели во дворец героя дня – тамбурмажора, в одиночку отбившего пушку у русских, и просят его величество удостоить его аудиенции.

– С ума они, что ли, походили! – взорвался Станислав Август. – Пусть убираются вон! Немедленно!

Дверь кабинета оставалась неприкрытой, и люди, вошедшие в прихожую, включая самого героя, слышали его гневный ответ. Тем не менее уходить они не спешили. Более того, какой-то наглец устроился за изящным столиком, положил на него лист бумаги, извлек из кармана походную чернильницу с пером, а остальные выстроились к нему в очередь, чтобы сдать деньги в пользу храброго тамбурмажора и назвать свои имена писарю. Просто черт знает что такое! Королевский замок теперь – постоянный двор? Стуча каблуками по паркету, Станислав Август прошел из кабинета в спальню, велел камердинеру раздеть его и подать халат и никого к нему больше не пускать – слышите? – никого!

Два часа тому назад, когда генерал Бышевский вернулся с Медовой, едва живой, а Мокроновский сообщил, что горожане убили племянника Игельстрёма, король вышел на балкон – в красном мундире с вышитой на нем звездой русского ордена Андрея Первозванного, с лазоревой лентой польского ордена Белого орла через плечо и с прусским орденом Черного орла на шее – и обратился к народу. Вокруг колонны Сигизмунда гудела толпа; темно-синие мундиры дзялынцев с редкими алыми вкраплениями гвардейцев казались каплями в сермяжном море. Тысячезверь незряче тыкался во все стороны окровавленной мордой, с которой капала пена бешенства. «*Monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen ademptum*»³, – всплыла в мозгу строка из «Энеиды»... Как непохоже это было на ту толпу, которая здесь же, на Замковой площади, восторженными кликами встречала 3 мая 1791 года сенаторов и депутатов сейма, направлявшихся в костел Святого Иоанна, чтобы присягнуть только что принятой Конституции, и вопила в тысячу глоток: «Король с народом! Народ с королем!» Как давно это было... Почти три года назад... Тогда тоже палили из пушек, но совсем по другому поводу.

Станислав Август поднял руку, требуя тишины, но его заметили не сразу. Когда положение уже грозило сделаться смешным – а смешное убивает, как говорят французы, – кто-то всё же заметил присутствие на балконе короля, и гул постепенно стих. Напрягая глотку и стараясь сохранять при этом величественный вид, Понятовский заговорил о том, что поляки достаточно показали свою силу и стремление к независимости; теперь надо выпустить Игельстрёма с войском из города, пусть уходит. Передние передавали его слова задним; с задних рядов и поднялась новая волна гула, выплеснувшаяся криками: пусть русские уходят, но только сложив оружие! Поджав хвост, как побитая собака! Король возразил, что русские на это никогда

³ Чудовище страшное, гнусное, огромное, лишённое зрения (*лат.*).

не согласятся; в ответ закричали такое, что он поспешно ушел с балкона, чтобы не слышать оскорблений и не принимать их на свой счет...

Камердинер размотал парчовый пояс, стягивавший округлое брюшко короля, бережно отстегнул орденские ленты, снял мундир, камзол, парик и помог своему государю облачиться в уютный бархатный синий халат, отороченный соболем, поверх сорочки с брюссельскими кружевами, стянул с него сапоги, заменив их на мягкие разношенные туфли. Отпустив слугу вялым жестом белой пухлой руки, Станислав Август прилег на кушетку. Вспышка гнева не взбодрила, а опустошила его. Он погрузился в полную апатию, не испытывая даже жалости к себе.

Не надо было ему становиться королем, думал он, словно о ком-то другом. Когда Генриетта тогда, в пятьдесят третьем году в Париже, разложила карты и предсказала ему судьбу, он от души посмеялся этой шутке. Он – четвертый сын краковского каштеляна, с вечно пустыми карманами – король?.. Но что греха таить, в душе зашевелился червячок самолюбия, польского гонора, ведь самый захудалый шляхтич в глубине своего сердца всё-таки питает несбыточную надежду – а вдруг? Что уж говорить про племянника магната Чарторыйского... К тому же он так хорош собой, ни одна красавица не устоит перед колдовским взглядом его больших карих глаз и чарующим звуком обольстительного голоса. Фортуна ведь тоже женщина! В его случае роль Фортуны сыграла она – великая княгиня Екатерина Алексеевна, маленькая немецкая принцесса Фике, рожденная стать императрицей Всероссийской. Летом 1762 года она своей твердой ручкой сбросила с трона супруга и заняла его место, а 25 ноября шестьдесят четвертого, в день ее именин, бывший саксонский посланник в Петербурге Станислав Понятовский, утешивший ее от разлуки с первой любовью – Сергеем Салтыковым, – был коронован в Варшаве... Нет-нет-нет, корону Пястов ему подали вовсе не на острие русского штыка. «Штыками можно делать что угодно, но только не сидеть на них». Это сказал клятвопреступник епископ Отенский, переметная сума Талейран-Перигор, но, черт возьми, сказано умно.

Вся польская молодежь была тогда за него; кузен Адам Казимир Чарторыйский сам посторонился, чтобы уступить ему место, а ведь Чарторыйские чего только ни предпринимали, чтобы посадить его на трон, разве что не убивали... И конечно же, любовь польских женщин делала его настоящим королем – правителем, властителем. Эльжбета Браницкая, Магдалена Любомирская, Изабелла... Ах, Изабелла Чарторыйская, жена Адама Казимира...

Понятовский случайно увидел край своего отражения в каминном зеркале. Н-да... Обрюзг, раздобрел, обзавелся вторым подбородком. Волосы поредели. Губы из сочных, изящно изогнутых, стали тонкими и уже не манят поцелуями... Что ж, ему шестьдесят два, а не тридцать... Вон, Игельстрём на пять лет моложе, а старик стариком: подагрик, ходит с палочкой, брюзжит... Правда, это не помешало ему отбить у Залусского его пригожую супругу и сделать ей одного за другим двух детей... Король повернулся в профиль, потом передвинулся, чтобы лучше было видно верхнюю часть лица. Да нет, всё не так уж плохо. Тонкий нос с горбинкой остался прежним и глаза... Пусть в морщинках, с мешочками нижних век и не столь пушистыми ресницами, но такие же большие, темные, блестящие... Как тогда...

Изабелла бросила его ради Репнина.

Русских женщин учат покоряться мужчинам, польских – угождать им. Добродетель русской женщины – верность, особенно в невзгодах. Мужчина для нее хорош уже тем, что он принадлежит ей, а она – ему, какой-никакой, а мой. Польки любят героев, и больше всего тех, кого сделали героями сами.

Знакомясь с мужчиной, полька прежде всего выведает, что он любит, что доставляет ему удовольствие, и непременно это запомнит. Она будет приветлива и предупредительна, станет внимательной слушательницей и повернет разговор так, чтобы выставить своего собеседника в самом благоприятном свете. В ней есть живость и желание нравиться, как у француженки, но нет пустого кокетства и колкости парижанки. Она найдет в мужчине какую-нибудь особен-

ность, о которой он, может быть, и сам не подозревал, но именно эта черточка делает его лучше прочих. И вот он уже стремится бывать в ее обществе, ведь ему с ней так хорошо; его желания предупреждают, но не все из них удовлетворяют, о нет, ведь награду надо заслужить... В один не самый лучший день он обнаруживает, что не один ездит к любезной хозяйке. Соперник? Неужели тот счастливее его? Но чем же он лучше? Неужто тем, что... Нет, я докажу ей, что я, только я достоин ее любви!..

Князь Репнин тоже попался в эти сети. Сейм 1767 года называли репнинским, ведь российский посланник фактически диктовал условия императрицы, а король был вынужден с ними соглашаться. Екатерина тогда уже отвернулась от Чарторыйских и старалась отменить всё, ими сделанное – нами, нами сделанное, ведь он, Станислав Август, тоже боролся за отмену *liberum veto*⁴. Репнин вернул из дрезденского изгнания «пане коханку» – Карла Радзивилла, врага Понятовского, и тот въехал в Варшаву триумфатором, что твой Ян Собеский после взятия Вены. Репнин добился, чтобы шляхта приняла новоиспечённого полковника Игельстрёма в число польских дворян, и король возложил на него ленту им же учрежденного ордена Святого Станислава. Зато епископов Солтыка и Залусского, не допускавших равных с католиками прав для православных и протестантов, и коронного польного гетмана Ржевуского с сыном Репнин велел арестовать и вывезти в Калугу, приказав командиру казаков убить их в случае сопротивления, а когда министры, сенаторы и послы сейма бросились к королю, требуя положить конец этому насилию, он, Станислав Август, мог лишь выразить свое сожаление и уповать на милость императрицы... Тогда он и перестал быть героем в глазах Изабеллы. Все тогда отшатнулись от него. Барская конфедерация выступала под лозунгом борьбы за главенство римско-католической церкви и древние вольности, но на самом деле ей был ненавистен король. А Репнин, который должен был его поддержать, вдруг всё окончательно запутал, пообещав Изабелле принять сторону Барской конфедерации, объявившей войну России, за одну лишь ночь любви... Говорят, что ее сын Адам Ежи – от него. Сплетни. В шестьдесят восьмом году Изабелла родила дочь, Марию Анну, и тогда говорили, что она от короля. Только Изабелла знает, кто чей сын. А Мария – вся в нее: в шестнадцать лет ее выдали за принца Людвига Вюртембергского, а когда он в девяносто втором, командуя армией Великого княжества Литовского, перешел на сторону Пруссии и России, она с ним развелась...

Да, женщины не прощают предательства. Но разве сами они не коварны? Нет никого страшнее женщины расчетливой, рассудочной, для которой любовь – средство, а не цель.

Любила ли его Екатерина? Он ее любил. До сих пор любит – ту, двадцатилетнюю великую княгиню, пылкую, страстную, умеющую обуздывать свои чувства – чтобы не звать удержу, когда она давала им волю. Так умелая наездница сдерживает своего коня, чтобы в нужный момент пустить его стрелой и унести вперед, лишив всех прочих надежды догнать себя. Кем он был для нее? Тем самым конем, послушным ее воле и должным исполнить свое предназначение? Возможно, она уже тогда разочаровалась в нем, поняв, что он всю жизнь будет игрушкой в чужих руках. Но не оттолкнула, наоборот – пусть уж это будут ее руки...

Восковая кукла. Так она называла его за глаза.

Разволновавшись от воспоминаний, король встал с кушетки и снова подошел к окну. По берегу ехала повозка, запряженная осликом, которого то и дело погоняла крестьянка; в повозке, прижавшись друг к другу, сидели гуси. Едет из Нове-Място, где утром была сильная пальба... Но мысли скользнули совсем в другую сторону. Эльжбета тоже пасла гусей... Тогда ее и встретил Михаил Казимир Огинский, великий гетман Литовский. Цыганка предсказала ей, что она «стане ще жоноу круля»⁵, и в Огинском тоже встрепенулась та самая надежда,

⁴ Свободное вето (*лат.*). Принцип, согласно которому любой депутат сейма мог прекратить обсуждение какого-либо вопроса и работу сейма вообще, выступив против.

⁵ Станет женой короля (*польск.*).

загнанная в потаенные закоулки души. Конечно, он отнесся к гаданию как к шутке. Увидев Эльжбету, пленившись ее красотой, он захотел сделать ее панной, а потом жениться на ней; нанял ей учителей, приедет, проводил с ней долгие часы в разговорах... Но гадания не забыл. Иначе не рассказал бы о нем Станиславу Августу, ведь корона Болеслава Храброго так плохо держалась на его пышном парике... Эльжбета уехала с ним не потому, что он король, а потому что полюбила его. Он тоже любил ее... какое-то время... Милая, чистая девушка. Куда ей быть королевой... Он выдал ее замуж за шляхтича по фамилии Круль и считал это удачной шуткой. А Огинский озлился на него и уехал в Париж...

Париж... Сколько денег он промотал там по молодости, играя и волочась за красотками... Мадам Жофрен, хозяйка салона, где собирались за обедом остроумцы и вольнодумцы, чтобы затем провести в разговорах весь вечер, выкупила его из долговой тюрьмы. Став королем, он пригласил ее в Варшаву, и она приехала. Они все были рады приехать к нему в Варшаву: поэты, художники, итальянские теноры... Только Вольтер, называвший его одним из трех философов на троне наравне с Екатериной и Фридрихом Великим, так и не почтил его своим посещением. Вольтер – умный старик, он смеялся надо всем, потому что так легче жить. Франклин тоже не приехал, хотя Понятовский одним из первых установил громоотвод – на Замковой башне. Изабелла знавала Франклина, когда жила в Лондоне. Вскоре после замужества с Адамом Казимиром... Они уехали туда из Парижа, где у нее закрутился роман с герцогом Лозеном...

О чём, бишь, он думал только что? Ах да, Вольтер. Из поляков он знал только эмигрантов – бывшего короля Станислава Лещинского, его дочь Марию, ставшую королевой Франции, и прочих недовольных и отвергнутых, уехавших прочь из Отчизны, чтобы за ее пределами называться патриотами. Но польские дела его живо интересовали, особенно религиозные. Вольтер, ярый враг религиозного фанатизма, не мог не осуждать претензий польской католической церкви, забравшей в свои руки воспитание юношества, на безраздельное господство. Естественно, он был на стороне диссидентов. Но в то же время не мог не видеть, что защита единоверцев и «древних вольностей» – лицемерная маска, которой Екатерина и Фридрих прикрывают своё стремление разделять и властвовать. После вероломного раздела Польши в 1772 году он в таких выпендренных выражениях поздравил их обоих с успехом, что только слепой не увидел бы издевки. А Тевкр из трагедии Вольтера «Законы Миноса» – это он, Станислав Август, жертва коварства сидонцев и ненависти критян, то есть русских и поляков...

Ему не стоило становиться королем. Речи Посполитой был нужен новый Стефан Баторий, Сигизмунд III, Ян Собеский. А Станислав Август умел побеждать только на любовном фронте. Хотя именно он основал в восстановленном Казимировом дворце Варшавскую рыцарскую школу, лучшую в Европе... Рыцарскую школу окончил Тадеуш Костюшко – тот самый, который потом сражался в рядах американских инсургентов, а в марте нынешнего года встал во главе бунтовщиков в Кракове... Князь Юзеф, сын покойного брата Анджея, явился к нему туда и вызвался служить в его армии простым солдатом...

Понятовскому стало холодно, он плотнее завернулся в халат. В остывшем камине лежала горстка золы. Велеть, чтоб разожгли огонь? Нет, не стоит. Ничего. Он не хочет никого видеть. Сядет вот тут, в кресло.

Винят его в гибели Польши, а разве не они ее погубили? Что, Адам Чарторыйский стал бы лучшим королем? Или Михаил Казимир Огинский? А может быть, Браницкий? Радзивилл? Тогда, в шестьдесят восьмом, конфедераты были готовы отдать Подолию туркам, лишь бы свергнуть его с престола, а в итоге разожгли бунт гайдамаков и привели в Речь Посполитую русских, пруссаков и австрийцев. Герои... Русский генерал Суворов восхищался молодым Казимиром Пулавским и маневрами его конницы, однако Ченстохову у него отбил. Старший брат Францишек закрыл собой Казимира от пули, и в Париж Пулавский приехал, уже оваянный легендой. Но перед этим устроил глупое, нелепое похищение короля, расцененное как

покушение и ускорившее раздел страны, где царит анархия. После чего Пулавский со своей отвагой и заносчивостью отправился за океан, в армию Вашингтона, создал в ней кавалерию и героически глупо погиб в ненужной, безрассудной атаке...

Когда конфедератов тысячами ссылали в Сибирь и сотнями продавали за наличные в прусскую армию, львовские обыватели приносили присягу австрийскому императору и благодарили его за избавление от власти Понятовского, полоцкая шляхта радовалась, что императрица Екатерина милостиво соизволила сделать их своими подданными. А Станислав Август слал письма королям Франции, Испании, Португалии, Сардинии, Англии, Голландии, призывая их на помощь и опровергая «исторические права» трех хищников на польские земли. Никто не откликнулся. Понятно, что сильная Польша была им не нужна, но зачем им было нужно усиление Пруссии и Австрии? Французская дворянская молодежь горела желанием взять реванш за поражение в недавней войне, но Людовик XVI, женатый на австриячке, предпочел ни во что не вмешиваться. Свою жажду благородных подвигов маркиз де Лафайет и же с ним отправятся утолять в Америку...

Русские настаивали на созыве сейма, чтобы «узаконить» ситуацию. Король противился, ему пригрозили низложением. Как повернулись бы события, если бы все эти патриоты и мученики приехали тогда на сейм и приняли сторону короля, встав рядом с ним плечом к плечу? Но нет, они срывали глотки, агитируя против сейма. Как верно описал это Игнаций Красицкий в своей «Мышеиде» – всего несколько строк:

Сам Грызомир на троне и при свите
Вконец теряет свой авторитет;
О вольности кричит он, о защите
Отечества, а тем и горя нет.
Они в ответ одно лишь: «Как хотите,
Пусть вольность гибнет – это не беда!»
И разошлись спокойно кто куда!

Станислав Август закрыл глаза и оперся лбом на стиснутый кулак. Жалкие мышцы, жесткие крысы – вот его королевство...

Лучшие люди страны не могут запятнать себя участием в этой профанации! В итоге приехали худшие – лживые, трусливые, продажные... Русский посол барон Штакельберг зажил в Варшаве на широкую ногу, с ним считались больше, чем с королем, и он уже мнил себя всемогущим.

Он просто не знал поляков. Жестокостью их можно только озлобить, а не напугать, зато лаской с ними можно сделать всё, что угодно.

Восковая кукла.

Понятовский встал с кресла и заходил по комнате.

Он тоже мог бы всё бросить и уехать за границу – в Париж или ещё дальше: в Рим, Неаполь... Ну хорошо, допустим, не мог: долги бы не пустили. Екатерина ведь держала его на золотом поводке... Он и сейчас должен всем: женщинам, монастырям, евреям; его имущество заложено и перезаложено... Но не это главное. Он, Понятовский, не смирился. Он единственный не верил, что всё кончено. Никто лучше него не знал положения в стране, и члены Постоянного совета, люди малоопытные, внимательно к нему прислушивались. Любезность, обходительность и обаяние короля пригодились ему не меньше, чем ум и образованность: он собственноручно отвечал на множество писем и записочек, удовлетворял тысячи просьб, угождал, протезировал, выбирая преимущественно людей новых, без предрассудков, – и шляхта стала переходить в его лагерь. Теперь он был силен и без Чарторыйских. И вот тогда против его «деспотизма» сложился заговор... женщин. Изабелла Чарторыйская и Елизавета Любо-

мирская, Александра Огинская и Екатерина Коссаковская натравили на него своих мягкотелых мужей, переменчивых фаворитов, разочарованных друзей, обиженных родственников, за которыми волочился шлейф из мелких прихлебателей и челяди. Сплетни, интриги, миллионы золотых, потраченных на клеветников и судебные процессы... Поляки так любят судиться, ведь это шанс блеснуть своим красноречием... А русский посол Штакельберг лишь потирал довольно руки, обещая и тем, и другим свою помощь или грозя карой.

Король остановился перед камином и взял в руки фигурку из севрского фарфора: румяная пейзажная собирательница собирается переходить через ручей, высоко подобрав юбку и приняв изящную позу. Только это и позволило ему не сойти с ума и не наложить на себя руки. Нет, не пейзажи, хотя к женщинам его по-прежнему тянуло, – искусство, наука, книги. Обеды по четвергам были отдушиной; за королевский стол садились ученые, поэты, артисты. Получить из его рук медаль с надписью *Merentibus*⁶ здесь было почетнее, чем выхлопотать себе у Штакельберга орден Белого орла. Разговоры велись не о политике, а о воздухоплавании, об электричестве, о магнетизме, об оспопрививании... Процветающая страна под властью просвещенного монарха... Утопия. Мечты философов. На то, чтобы возделывать сад на пустоши, заросшей бурьяном невежества и фанатизма, уйдут десятилетия, века, а за это время непременно налетит какая-нибудь саранча и всё пожрет еще прежде, чем сад начнет плодоносить...

Однажды, шутя с Эльжбетой, он сказал ей, что королем быть не так-то весело: над тронном каждого монарха на тонкой ниточке подвешен тяжелый острый меч.

– И над вашим тоже? – испугалась она.

– И над моим.

– Так велите убрать его! – воскликнула простодушная Лизетт.

Понятовский поставил пейзажную на место.

Ему не раз грозили судьбой Карла I Стюарта. Говорят, что, узнав о приговоре Конвента, Людовик XVI попросил принести ему том Британской энциклопедии с описанием казни английского монарха и внимательно его читал. Людовика обвинили в злоумышлении против свободы нации и безопасности государства. Те же самые обвинения могли бы предъявить и Понятовскому. Кто? Те, кто хотел занять его место. Отрубленной голове короля показали, как над ним глумится народ, но отправил его на гильотину не народ, а народные избранники, дорвавшиеся до власти. Только ради этого герцог Орлеанский стал Филиппом Эгалите. А польским Филиппом Эгалите был гетман Ксаверий Браницкий...

Как красиво он говорил о возрождении Отечества, стонущего под пятой иноземцев! А сам в пятьдесят с лишним лет женился на племяннице Потёмкина, скупавшего имения в Польше, и получил за ней в приданое шестьсот тысяч польских флоринов серебром и Шуваловский дворец в Петербурге. Новоиспеченная графиня Браницкая, прежде бывшая наложницей в гареме своего дяди, хлопотала о делах своего супруга и попутно устроила конный завод в Белой Церкви – поставлять лошадей русской армии. Всё это рвание о древних вольностях было лишь страхом перед тем, что Станиславу Августу удастся осуществить свои планы и учредить в Польше наследственную монархию – единственное средство против пагубной анархии. Хватит этих выборов – пьяного разгула, когда претенденты перекупали друг у друга вольных шляхтичей, «равных королю» и готовых продать свой голос за чарку водки и тридцать серебряников. Понятовский собирался отдать корону своему племяннику – князю Станиславу, сыну Казимира. Разве могли с этим смириться польские магнаты? Чарторыйские и Сапеги сделали ставку на Пруссию, Потоцкие, Ржевуские, Браницкий – на Россию.

Король наконец перестал не замечать портрет, висевший слева от кровати. Обойдя свое ложе, он встал прямо напротив картины. Ее подарок. Ей здесь лет тридцать пять. Конечно, художник ей польстил. Ей все льстят. Стоит узнать ее коротко – и понимаешь: перед тобой

⁶ Заслуженный (*лат.*).

обычная немочка, любопытная, слегка тщеславная, охотница до плотских удовольствий, но умеющая держать себя в обществе и хорошо усвоившая правила политеса. В донесениях дипломатов ее больше всего интересовали придворные сплетни. И только когда речь заходила о России, пятой части суши, ее особой судьбе и величии, она преображалась: горделивая посадка головы, как у римских статуй, звездами сверкающие голубые глаза... Екатерина прислала ему свой портрет, а от личной встречи уклонялась. Не хотела, чтобы он увидел ее такой, какая она есть.

Но встреча всё же произошла – в Каневе, в восемьдесят седьмом году, по дороге из Киева в Крым, преподнесенный ей Потемкиным.

Браницкий, Щенский и Игнаций Потоцкие, Казимир Сапега и вся эта камарилья съехалась сразу в Киев и водила хоробы вокруг императрицы и князя Таврического, который принимал их, лёжа в шубе на диване. Екатерина милостиво позволяла им унижаться перед собой, слегка ободрив лишь Щенского. Щенский значит «счастливый»; так Станислав Потоцкий переводит свое второе имя, полученное при крещении, – Феликс. Тогда ли он впервые увидел Софию де Витт, нашу прекрасную фанариотку? Сколько мужчин считали ее своей, но только Щенский... Впрочем, неважно. Новый фаворит Екатерины, Дмитриев-Мамонов, которому не было еще и тридцати (а ей – пятьдесят семь), оттачивал на поляках свое остроумие. Браницкого пожурили за то, что он не хочет помириться с королем, его племянника Сапегу и Игнация Потоцкого вообще не допустили к столу... Правда, и Понятовский целый месяц был вынужден *faire le pied de grue*⁷ в Каневе, во временном деревянном дворце, наспех выстроенном для него племянником на пепелище. Если не считать нового пожара, который князь Станислав лично тушил до трех часов ночи, – никаких развлечений, кроме как рассматривать коллекцию камней Стася и слушать игру Юзя на клавесине. Разве что кто-нибудь из русских царедворцев наведается из Киева в надежде получить щедрый подарок. Мнишек, Тышкевич, Нарушевич, составлявшие свиту короля, уже изнывали от скуки, когда в полдень на Днепре появились галеры императрицы. Екатерина осталась верна себе: галеры причаливать не стали, а бросили якорь в полутора часах хода от берега; Понятовский с племянниками прибыли туда на шлюпке и сразу из хозяев сделались гостями. Орудийный салют, торжественная встреча, тосты, здравицы, раздача бриллиантовых крестов и табакерок... Он придвигает ей кресло, она подает ему шляпу... Екатерина всеми силами избегала встреч наедине. Потом она будет, кокетничая, говорить, что польский король стар и разучился любезничать с дамами, она весь язык себе стесала, пытаясь поддерживать разговор... Чушь. Рядом был Мамонов с кукольным личиком. Если Понятовский стар, то и она стара, ведь он моложе ее на три года...

Он ревновал? О Боже мой, нет! Ха-ха-ха! В самом деле, как было бы забавно, если бы он, Григорий Потемкин и молодой граф вздумали сводить между собой счеты из-за женщины! Которую никто из них не любил, но надеялся использовать... Война между Россией и Турцией неизбежна; Австрию принудят в ней участвовать. В этой войне Польша должна стать союзницей России, которая, несомненно, победит, и под сим благовидным предлогом усилить свою армию, получить выход к Черному морю и его торговым путям... Стась уже построил магазин в Херсоне... Туда, в Херсон, направлялся «граф Фалькенштейн» – австрийский император Иосиф, который должен был сопровождать Екатерину в поездке по Тавриде. Еще один просвещенный деспот. Польский двор перебрался из Канева в Корсунь, чтобы перехватить его по дороге. Там ждать пришлось всего три дня. Улыбки, объятия, пылкие уверения... «Клянусь вам, пока я жив, Польша не потеряет ни одного листа с дерева!» *Pas une feuille d'arbre*... Император умер в феврале 1790 года. «Здесь покоится Иосиф II, не преуспевший ни в одном из своих начинаний», – он сам заказал себе такую эпитафию...

⁷ Здесь: дожидаться (франц.).

Часы пробили двенадцать, и Понятовский вздрогнул от неожиданности. Виски сдавило, словно обручем, и какая-то слабость по всему телу... Ах да, он же не ел со вчерашнего вечера. Позвонить, чтобы ему принесли сюда кофе? Или просто стакан теплого молока... Но он не позвонил. Безвольно сидел, сгорбившись, на кровати, положив руки на колени и рассматривая перстень с сердоликом на правом мизинце.

Его королевская печать. Божьей милостью и волей народа король Польский, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Жемайтский, Киевский, Волынский, Подольский, Подляшский, Инфлянтский, Смоленский, Северский, Черниговский и прочее, и прочее... Вот сколько всего он потерял.

Браницкий не только присягнул Конституции 1791 года, но и стал военным министром в новом правительстве. Ведь после смерти Понятовского корона должна была перейти к саксонскому курфюрсту для основания новой династии. Все посланники иноземных государств выражали Станиславу Августу одобрение своих дворов; римский папа перенес празднование святого Станислава на 3 мая. Новый прусский король и новый австрийский император обязались соблюдать целостность Речи Посполитой, а князь Кауниц, с согласия Леопольда II, даже отправил в Петербург ноту, побуждая признать свершившийся факт. Понятовский побоялся известить Екатерину о том, что осмелился сделать. Король с народом, народ с королем, ободрял он себя. Шляхте оставили ее привилегии, панам – крестьян; мещанам позволили приобретать землю и открыли доступ к чинам; магнаты публично принимали городское гражданство; диссидентов больше не преследовали. Кто мог остаться недоволен? Адам Чарторыйский выехал послом в Дрезден, но Станислав Август не спешил подставлять свою голову под польскую корону, словно та была из раскаленного железа. Молчание России перекрывало весь европейский хор, певший аллилуйю. Стало ясно: Екатерина ждет только завершения войны с Турцией, чтобы приняться за Польшу. Война со Швецией закончилась в августе предыдущего года; Игельстрём, заключивший Верельский договор, получил в благодарность орден Святого Андрея Первозванного, чин генерал-аншефа, золотую шпагу и сорок тысяч рублей. Репнину, разбившему турок при Мачине, дали Святого Георгия первой степени. Юсуф-паша запросил мира, и Репнин в июле заключил с ним временный договор, однако Потемкин, не желавший упускать лавры победителя турок, порвал его в клочки и начал всё заново. В середине октября к нему в Яссы приехал из Вены Щенный Потоцкий, вслед за ним – Северин Ржевуский, но тут светлейший князь Григорий Александрович неожиданно приказал долго жить. Безутешная графиня Браницкая пыталась согреть своим дыханием его охладевшие уста...

Понятовский отправил в Яссы Станислава Потоцкого, чтобы тот вернул генерала и гетмана на столь любимую ими родину. Те не приехали, и сейм уничтожил обе гетманские булавы. Но к тому времени Безбородко уже подписал мирный договор, и Екатерина вызвала обоих в Петербург, куда помчался и Браницкий. Королю он дал честное слово и письменное обязательство хранить верность Конституции и явиться по первому зову...

Надзея – матка глупых⁸, гласит польская пословица. Декларация о вторжении в Польшу русских войск для защиты незаконно преследуемых подданных императрицы, создавших конфедерацию в Тарговице, грянула в мае 1792 года, как гром среди ясного неба. Австрийцев Екатерина подтолкнула к войне с французами, пруссакам посулила кусок пирога – теперь можно было стрясти с Польши хоть всё до последнего листа.

На руки упала горячая капля. Станислав Август плакал.

Он сопротивлялся до последнего. Учредил орден *Virtuti militari*⁹ и лично осмотрел военный лагерь в Праге, хотя прекрасно понимал, что польская армия способна только погибнуть сама, но не спасти страну. Что мог сделать князь Юзеф с тремя бригадами, пусть даже и с

⁸ Надежда – мать глупцов (*польск.*).

⁹ За воинскую доблесть (*лат.*).

прославленным Костюшкой, против впятеро превосходящих сил противника? Впрочем, и это было бы ничего, если бы приходилось подставлять пулям только свою грудь, не опасаясь ударов в спину. Но уже 31 мая русские войска, направляемые Шимоном Коссаковским, без боя взяли Вильну, и Коссаковский стал польным гетманом Литовским, после того как воевода виленский Михаил Казимир Огинский добровольно отказался от гетманства. Король этот его титул не утвердил, да что с того? Самопровозглашенный великий гетман Княжества Литовского Коссаковский расхаживал в мундире русского генерал-майора, его брат-епископ призывал к унии Литвы с Российской империей. Командующий литовской армией Людовик Вюртембергский намеренно не собирал войска, чтобы те стали легкой добычей русских. За измену он попал лишь разводом с женой, Марией Чарторыйской, и отставкой. Потерпев ряд поражений, Юзеф Понятовский отвел армию в Изяслав; украинские холопы поставляли русским провиант и лазутчиков, отказывая и в том, и в другом полякам. В отчаянии король написал Екатерине и предложил закрепить польский престол за великим князем Константином, которому тогда было тринадцать лет, но императрица была неумолима: только капитуляция. Король должен сам присоединиться к Тарговицкой конфедерации, перейдя на сторону тех, кого он «обидел», и загубив своими руками всё, что создал с таким трудом.

Почему ей так нравится унижать его? За что она ему мстит?..

Когда он созвал своих министров, показал им письмо императрицы и сказал, что присоединится к конфедерации во избежание худшего, голоса разделились. И те, кто был против, и те, кто был за, потом уехали за границу, он же уехать не мог. Не мог даже уйти пешком, с посохом в руке... Он приказал обеим армиям, в Литве и в Польше, прекратить сопротивление. В августе Михаил Каховский, разбивший Костюшку под Дубенкой, вошел в Варшаву и расположился в Королевском замке.

Поблагодарив императрицу за великодушную помощь, Светлейшая конфедерация в Гродно принялась творить суд и расправу над польскими «якобинцами». Нота о вступлении прусских войск в Гданьск и Торунь для их очищения от революционной заразы застала ее врасплох; Щенный Потоцкий срочно выехал в Петербург, но было поздно: русский посланник Сиверс требовал созыва сейма для утверждения нового раздела Польши.

Когда Сиверс явился к Понятовскому и велел ехать Гродно, тот сказал: лучше в Сибирь. Его заперли и держали без пищи. Он поехал... Полковник Штакельберг поднес ему на подпись акт о разделе. «Сжальтесь надо мною, милостивый государь! Не заставляйте подписываться под своим позором!» Штакельберг сказал, что это будет последняя жертва. Росчерк пера – и можно наслаждаться тихой и покойной старостью...

Браницкий тоже был на Гродненском сейме. После второго раздела все его поместья отошли к России; он променял гетманскую булаву на чин генерал-аншефа и уехал в Белую Церковь. А король вернулся в Варшаву. Куда ему было податься? Вслед за ним приехал Игельстрём, из барона ставший графом. Под началом Игельстрёма было тридцать тысяч русских солдат, из которых восемь тысяч стояли в Варшаве. Польскую же армию, несмотря на союзный договор с Россией, было велено сократить вдвое. Только в Кракове польский гарнизон остался без присмотра русских. Вот в Краков и прибыл из Дрездена Костюшко, которому войско тотчас присягнуло как главному начальнику вооруженных сил... И Юзеф тоже.

Спокойная старость... Король встал с кровати и вытер глаза тыльной стороной ладони.

Игельстрём опутал весь город сетью шпионов, выслеживая недовольных, масонов, заговорщиков. Он презирал поляков, но не знал их. Он сам превратил их в «якобинцев». Прозрение настало слишком поздно. Как для Людовика XVI: «Это бунт? – Нет, сир, это революция...»

Надо всё же послать кого-нибудь узнать, как обстоят дела.

Пройдя через туалетную комнату, кабинет и приемную, Станислав Август вышел в кордегардию и попятился от неожиданности, увидев там вооруженных мастеровых. Они, однако, взяли на караул, после чего двое, вытянувшись в струнку, остались стоять у дверей, а третий

убежал. Он вскоре вернулся вместе с бравым усачом лет тридцати, в красном жупане и синем кунтуше, с двумя пистолетами за поясом.

– Ваше королевское величество! Радный Ян Килинский к вашим услугам! – отрекомендовался он осипшим голосом.

– Что вы здесь делаете? – выдавил из себя Понятовский.

– Ставлю караулы для охраны вашего величества!

– А где...

– Солдаты? – подсказал Килинский. – Вместе с народом стерегут москалей, чтоб не ускользнули!

Понятовский махнул рукой и ушёл обратно.

* * *

К трем часам дня русских вытеснили почти отовсюду; они теперь держали оборону только во дворце Красинских, в монастыре капуцинов, возле дома Игельстрёма на Медовой и в Данцигском саду. Ко всем заборам поляки подтащили пушки и проделали бойницы для них. Тем временем в ратуше состоялись выборы городского совета. Президентом его снова стал Игнаций Закжевский, в свое время оставивший этот пост, чтобы не поддерживать торговчан, военным губернатором Варшавы – генерал Мокроновский, а еще в совет вошли двенадцать вельмож, восемь шляхтичей и шесть мещан, включая Килинского. Ему поручили охрану короля.

Было около пяти вечера, когда Ян наконец-то вернулся к себе на Широкий Дунай. Голова слегка кружилась – с раннего утра маковой росинки во рту не было. Да и кто бы сохранил ясную голову в такой круговерти – словно несколько жизней прожил за один день! Тяжело ступая, Килинский поднялся на четвертый этаж, отпер дверь, остановился на пороге, опершись о притолоку. Марыля вскочила со стула, увидев его, да так и замерла, ни слова не сказала. Ту бумагу, про которую он говорил ей утром, она нашла. Это было завещание: Ян делил свое имущество между нею и детьми. Дети, голодные и уставшие от плача, спали рядком на кровати. Муж пришел живой. Ну и слава Богу.

Глава II

Екатерина скомкала письмо от Игельстрёма и стукнула кулаком по уборному столику.
– Счастлив этот старик, что прежние его заслуги сохраняются в моей памяти!

Нет, каково? Имея под своим началом восемь тысяч штыков, можно было прихлопнуть любой заговор, словно комара! А он теперь ее страшит скорой революцией в Литве и прилагает к письму манифест Костюшки!

Зачем она отправила Игельстрёма в Варшаву? Чужих жён брюхатить? За Понятовским следить, чтобы не учудил еще чего-нибудь на старости лет. А то, вишь, припала охота конституции сочинять! Осталось только трехцветную кокарду на шляпу нацепить, как убиенный король Французский. Ухо держать остро, крамолу выкорчевывать – вот зачем нужен был Игельстрём. Никаких чудес от него не ждали, дело бы только делал. И что же? Какой миракль при нем приключился – поляки сумели договориться! Признали над собой единого начальника! Да еще захудалого шляхтича, не имеющего ни кола ни двора, который продавал свою шпагу не то что королю или кесарю (императору Австрийскому и племянник Понятовского служил), а инсургентам американским! И вот русская армия, только что покрывшая себя славой на Дунае, бежит от берегов Вислы, а командующий, погубив сотни своих защитников, бросив казну и архивы, ищет протекции у пруссаков!

Не в силах сдержать гнева и досады, государыня принялась расхаживать по уборной, потом остановилась у окна, выходящего на Дворцовую площадь, отодвинула штору... Николай Зубов, принесший дурные вести из Варшавы, не смел нарушить наступившее молчание; его брат Платон сидел в кресле в спальне и рассматривал свои ногти; статс-секретарь в комнате, смежной с уборной, притих за своей ширмой.

Ох, Гриша, Гриша, друг сердечный! На кого ты меня покинул! Уж два с половиной года прошло, а не заживает рана в сердце, не заделать дыру в душе. Словно и меня убыло, словно часть меня самой положили с тобой в могилу в Херсоне! Раньше, когда можно было опереться на твое плечо, и беда была не беда, и горе не горе, хотя сколько горького хлебнуть пришлось. А теперь бугорок за гору кажется.

Скрипнул паркет – Зубов переступил с ноги на ногу. Екатерина бросила взгляд через плечо в раскрытую дверь спальни; при виде красивого профиля, такого желанного, дрожь пробежала по всему телу... Платон зевнул, прикрыв рот рукой.

Гриша бы уже сказал: «Не печалься, матушка» и что-нибудь дельное присоветовал. Или сам бы поехал и порядок навел. А не отправить ли ей в Польшу его сиятельство, нового генерал-фельдцейхмейстера?.. Воздух переменить, раз прыть такая нашла... Выдумал тоже – волочиться за Сашенькиной женой. Да еще у всех на глазах. Если я делаю вид, будто ничего не замечаю, так это не значит, что... Бедная Луиза не знает, куда деваться, ведь она еще совсем дитя...

Ах, Платоша, Платоша... Как я расстанусь с тобой? У тебя еще вся жизнь впереди и у нее тоже, а у меня-то ты последний, я знаю...

Никуда я тебя не пущу. В Литву поедет Репнин, человек опытный, да и прочие, кто там сейчас, не вчера родились. Уж с тем пьяным сбродом, вооруженным косами да топорами, о чем пишет Игельстрём, как-нибудь справятся. А надо будет – Суворова туда отправлю, Александра Васильевича. Пусть они с князем Николаем Васильевичем не слишком ладят, ну да на войне найдется, на ком зло выместить. У страха глаза велики, а польская революция – не гора, а кочка.

Государыня повернулась к Николаю Зубову и ласково улыбнулась ему.

– Благодарю вас, граф. Вы, верно, устали с дороги, ступайте ж отдохнуть. Да, вот еще что: не нужно ли вам денег?

Николай учтиво поблагодарил, приложился к ручке и ушел, обещав быть в понедельник к обеду. Екатерина вошла в спальню и притворила за собой дверь.

* * *

Под окнами поднялся гвалт: польская милиция остановила карету и требовала, чтобы путешественник из нее вышел. Джейн послышалась английская речь. Встрепенувшись, она осторожно положила на грязную подстилку только-только задремавшего Сашеньку и пробралась к окну.

На путешественнике был облегающий фрак в полоску, горчичного цвета, и темно-коричневые панталоны до колен; из рукавов выглядывали батистовые манжеты. Он уже поставил ногу на подножку, собираясь снова сесть в карету. Джейн изо всех сил застучала костяшками пальцев по стеклу и закричала:

– Sir! Please! Your excellency! Please help us!¹⁰

Господин во фраке удивленно обернулся. Дети проснулись и подняли плач. Джейн продолжала стучать в окошко. Путешественник решительным шагом направился к двери арсенала и заговорил с часовым. Через некоторое время, словно нехотя, заскрипел засов, и дверь слегка приоткрылась. Англичанин вошел и в изумлении остановился на пороге.

В большом холодном помещении с высоким сводчатым потолком прямо на каменном полу сидели три десятка русских дам, одетых как попало; многие прижимали к себе маленьких детей. При появлении чужака плач на мгновение смолк, но потом возобновился, хотя и не так дружно. Барышня, делавшая ему знаки в окно, теперь проворно подбежала, слегка прихрамывая, и остановилась в двух шагах, смущенно кутая плечи в рваный платок.

– Сжальтесь над нами, сударь! – снова заговорила она. – Мы в отчаянии, нам нечем кормить детей, а по ночам здесь очень холодно!

– Вы англичанка?

– Шотландка. Мой отец – Уильям Лайон, лепной мастер, он служит в России. Здесь жены и дети русских офицеров...

– Шотландка? Я тоже шотландец. Граф Макартур, к вашим услугам.

Он коротко поклонился.

Беременная женщина с красивым, но изможденным лицом шла к ним так быстро, как только позволяло ее положение; ее слегка пошатывало. Заглядывая графу в лицо, она спросила его по-французски, не видал ли он ее мужа, князя Гагарина, генерал-майора. Джейн потупила глаза. Граф выразил свое сочувствие и пообещал навести справки.

– Я немедленно еду к посланнику! – объявил он Джейн. Потом, во внезапном порыве, шагнул к княгине и с поклоном поцеловал ей руку. Когда он уходил, в его глазах стояли слезы.

Подав Прасковье Юрьевне руку, чтобы та могла на нее опереться, Джейн помогла ей вернуться на место. Когда ее саму принесли сюда в беспмятстве, контуженную в ногу, – оказавшись на улице под пулями, она упала в канаву на мертвые тела, прижимая к своей груди обоих детей госпожи Чичериной, которую уже увели в арсенал, – первой, кого она увидела, придя в себя, была княгиня Гагарина.

– Вы только что из города, – с надеждой спросила она, – вы не слыхали, что с моим мужем? Князь Гагарин, генерал-майор Сибирского полка?

Княгине приходилось хуже всех. На Пасху узницы разговелись сухарями, найденными возле мертвых тел. Еды не было почти никакой, хорошо, если часовые приносили воду. Ни тюфяков, ни одеял, ни теплой одежды; матери отдали детям свои шали, если догадались захватить их с собой, ведь им не дали ни минуты на сборы. С Гагариной были два сына, Феденька

¹⁰ Сударь! Пожалуйста! Ваше превосходительство! Прошу, помогите нам! (англ.)

и Васенька, старший – по восьмому году, а она еще должна была скоро родить. У нее опухли руки и ноги, а щеки ввалились, под прекрасными глазами залегли глубокие тени. Джейн старалась помочь ей, чем могла...

Вечером к арсеналу подъехали три огромные фуры с соломой для тюфяков, постельным бельем и теплыми одеялами, сухарями и вяленным мясом – граф Макартур сдержал свое слово. Скорчившись на боку на соломе, Прасковья Юрьевна сотрясалась от рыданий, закусив кулак: шотландец доподлинно выведал, что князь Гагарин убит.

* * *

С утра на Ратушной площади Вильны стучали топоры: сколачивали виселицу. К полудню всё пространство перед строящейся новой Ратушей, забранной строительными лесами, заполонила толпа, тупым клином уходившая к Амбарам и Великой замковой улице. Оттуда и появилась во втором часу пополудни синяя лакированная карета нового коменданта – полковника Ясинского, со спущенными шторками, за которой трусила верхом охрана.

Народ расступился. Под барабанный бой процессия пересекла всю площадь и подъехала к эшафоту. Из кареты выскочил Ясинский в синем мундире, ладно обнимавшем его стройную фигуру, и лосинах, а затем оттуда показался Шимон Коссаковский. Его привезли на казнь в том самом желтом шлафроке, в каком захватили позапрошлой ночью в собственном доме.

Выйдя из темноты на свет, он на мгновение зажмурился. Поморгал глазами, привыкая, обвел взглядом дома под красными черепичными крышами, колышущееся людское море, – и вздрогнул, увидев петлю. Ладони и ступни разом похолодели, а из омута памяти всплыла отчетливая картина...

...Лед на Двине был уже мягкий, ненадежный; в круглых темных ямках, оставленных лошадиными копытами, хлопала вода. Они пошли пешком, глядя под ноги, оскальзываясь и балансируя руками. Заливались весенними трелями птахи на голых вѣтлах, стоявших вдоль берега, воздух был влажным, чистым, пахнул талым снегом. Коссаковский остановился оглядеться, уж больно долго они идут, – ну да, слишком сильно забрали влево, а им вон туда надо, к тем кустам... Шагнул и провалился по колено. Холода не почувствовал, наоборот, словно ошпарило его. И тотчас адъютант-москаль обхватил его сзади и рванул кверху под мышки. Повалились оба навзничь, отползли друг от друга, выбрались на четвереньках на берег, переглянулись – и тут их смех разобрал. «Ну, сударь, уж напужали вы меня!» – хохотал адъютант. «Э, братец, ничего не бойся! – махнул на него рукой Коссаковский, утирая выступившие слезы. – Кому повешенному быть, тот не утонет...»

*Volentes fata ducunt, nolentes*¹¹... Судьба и вправду словно силком притащила его сюда. Зачем он вернулся в Вильну из своего имения, узнав о том, что предатель Ясинский сбежал? Явившиеся его арестовать нашли только записку о том, что ему «неохота ехать в кибитке охотиться на соболей» – иными словами, отправляться в Сибирь. В это время заговорщики уже сбросили маски и открыто призывали к бунту в Шавлях. Надо было ехать в Гродно к Цицианову, но нет, он остался здесь, понадеявшись на Арсеньева – сибарита Арсеньева, боявшегося в апреле простудить солдат на бивуаках и оставивших их в городе, где их захватили спящими! Как он мог довериться этому генералу, сражавшемуся с подступающей старостью, которому победа над хорошенькой Юзефой Валадкович была важнее всех прочих? И Ясинского Арсеньев тоже не раскусил, и эту карету проиграл ему в карты...

Пронырливые жида не раз извещали русских офицеров, что среди поляков готовится заговор. Молодой капитан Сергей Тучков, принявший командование артиллерией, как-то утром приметил, что на всех домах, где квартировали русские, были нарисованы красным

¹¹ Покорных судьба ведет, а непокорных [тащит] (*лат.*).

карандашом буквы RZ – «резать». Арсеньев отмахнулся от него: «Разве вы не знаете поляков? Какой-нибудь пьяный повеса написал это ночью, чтобы нас беспокоить. Не стыдно ли вам больше верить жидам, нежели мне, кому все обстоятельства известны лучше?» Однако приказал эти буквы стереть. Тучков же велел своим артиллеристам не ночевать поодиночке, а только группами по десять-двадцать человек, выставляя часовых, и фитили постоянно держать зажженными. Арсеньев сделал ему замечание по поводу ненужных расходов и пригрозил записать фитили на его счет, на что бдительный Тучков отвечал: «Это меня не разорит». Вот у кого надо было искать защиты и поддержки, а не у Арсеньева, полагавшего, что готовящаяся в княжестве революция – лишь козни горстки злопыхателей гетмана... Вчера утром, сидя под стражей в арсенале, Арсеньев написал Тучкову, бомбардировавшему Вильну с Погулянки, чтобы тот прекратил сопротивление: все высшие офицеры убиты или арестованы, он сам в плену и жизнь его в опасности. Тучков ответил: «Я арестовать себя не дам, и мятежники не иначе могут получить мою шпагу, как вместе с жизнью моей». Это его письмо подписали все офицеры и даже некоторые нижние чины и солдаты...

Коссаковского толкнули в спину, чтобы он поднялся на эшафот.

С каждой ступенькой петля приближалась. Не желая смотреть на нее, Коссаковский повернулся к народу. Головы не опускал, держал ее высоко. «Шельма! Предатель!» – кричали ему прошлой ночью, когда вели из дома на Немецкой улице в арсенал. Кто кричал? Те, кто присягали на верность новым властям – ему, Великому гетману княжества Литовского. Гудящая толпа перед ним перестала быть пестрой массой, обретая лица. Вон синие мундиры польских солдат и офицеров среди серых свиток с зелеными обшлагами и суконных кафтанов, белые султаны среди круглых шляп с бело-красными кокардами и шапок. «Виват свобода и равенство!» – кричали нынче ночью. Сейчас он скажет им, кто настоящие шельмы и изменники, – те, кто принесли сюда французскую заразу! Коссаковский шагнул вперед и приготовился говорить.

– Шоновне паньство! – звонким голосом выкрикнул Ясинский. – Сейчас здесь свершится то, что запрещается обсуждать! Понравится это кому из вас или нет, все обязаны молчать, а коли кто подаст свой голос, то будет повешен на этой же виселице!

Наступила звенящая тишина. Виленский адвокат Эльснер зачитал решение Уголовного суда от 24 апреля 1794 года о смертной казни для изменника отчизны. Под барабанную дробь Коссаковского подвели к виселице, и палач надел ему на шею петлю. Под ногами вдруг разверзлась пустота, небо опрокинулось, он падал, падал и никак не мог упасть, в ушах шумело и звонили колокола костела Святого Казимира...

* * *

– Кроме Ошмянского повета и Полоцкого воеводства, нигде более явной и открытой угрозы в сем деле нет, хотя все головы для оного подготовлены. Написал? Сим довожу до вашего сведения, что в местечке Ореховно, в шести верстах от Полоцка, кое принадлежит помещице Забелло, еще в конце минувшего года были заготовлены три сотни пик, о чем донес экононом оной помещицы, шляхтич Дежка. Оный же Дежка доносит, что после виленских событий кузнец Филипп со своим братом новых пик понаделали, прячут же их частью в местной униатской церкви, частью у поселян. Под Полоцком же пан Буйницкий с полоцким воеводой Жабой... дал же Бог фамилию... это не пиши... заготавливает оружие и собирает верных людей...

Откинувшись на спинку кресла, Тимофей Иванович Тутолмин постукивал пальцами по полированной крышке письменного стола (изящная вещица, с потайными ящичками, инкрустацией, на позолоченных львиных лапах – за таким столом только любовные записочки сочинять, а не доносы разбирать) и разглядывал расписной потолок. Два пухлых ангелочка держали

зеркало перед дебелой Венерой. Когда-то здесь, в Несвижском замке, приятно проводил время с такими Венерами пане коханку – Кароль Радзивилл. У него-то не было таких забот, как у генерал-губернатора Минского, Изяславского и Браславского.

Секретарь за конторкой легонько кашлянул.

– Далее пиши. Доносят мне также, что близ Воложина собралось мещан числом около двух тысяч, с некоторым количеством жолнеров, кои ожидают прибытия туда литовского войска. В местечке Новая Мышь Новогрудского воеводства, кое принадлежало бунтовщику Неселовскому, замечено великое множество шляхты и с ними вооруженных селян.

Всё ли писать или не всё? Начнешь всё перечислять – князь Николай Васильевич и осерчать может, скажет: алармист. Утаишь что-нибудь, а после какая-нибудь оказия случится, опять же ты и будешь виноват: почему вовремя не донес. Ладно. Трусом его, слава Богу, никто назвать не сможет: послужил матушке-государыне, не щадя живота своего, ни пулям, ни ядрам не кланялся. А береженого Бог бережет.

– Закончи там, как обычно, – велел Тутолмин секретарю. – При сём прилагаю... Честь имею быть верный слуга ваш и Ее Величества... и прочая... Готово, что ли? Дай взглянуть.

Секретарь быстро присыпал письмо песком, стяхнул, подошел и подал Тутолмину. Тот пробежал письмо глазами, кивнул и поставил свою подпись.

– Запечатать и сим же часом отправить с курьером к его превосходительству генералу Репнину, в собственные руки! – распорядился он. – И зови сюда полячика этого. Посмотрим, что за птица.

Секретарь вышел, закрыв за собой белую дверь с позолоченным узором, а когда вернулся, следом за ним адъютант ввел молодого человека лет тридцати, в длиннополом сюртуке из зеленого сукна поверх белого жилета, в такого же цвета штанах до колен, темных гетрах и башмаках; волосы коротко острижены а-ля Тит и зачесаны на лоб и на виски. Ну-ну.

– Кто таков? – спросил его Тутолмин. – Куда и по какому делу направляетесь?

– Пшепрашам, ваша эксцеленцьо, не розумем. Не мувим по-росийску.

– Парле-ву франсэ?

– Трэ маль¹².

Тутолмин встал, вышел из-за стола, заложил руки за спину и покачивался с пятки на носок, сжав свои тонкие губы и выпятив вперед подбородок. Волоса, вишь, на французский манер убраны, и сюртук от французского портного. И в Париже наверняка живал – папашины денежки в карты просаживал да на мамзелей спускал. А по-французски, вишь, не понимает. Либо ветрогон, либо прикидывается простаком. Ладно.

– Покличь кого из офицеров, кто по-польски понимает, – сказал адъютанту.

Некоторое время ждали молча. Тутолмин снова сел за стол, а поляку сесть не предложил. Адъютант привел молодого поручика. Приступили к допросу.

– Спроси его, кто таков, каких родителей, откуда родом, в каком звании состоит.

Поручик перевел вопросы, и поляк затараторил, словно отвечал вытверженный урок. У поручика от волнения лицо пошло пятнами, когда он начал пересказывать то, что смог понять и запомнить:

– Он граф Кароль Моравский, сын Игнация Моравского и племянник князя Радзивилла. Обучался в Вене наукам, а также тактике и инженерному делу. В прошлую польскую кампанию служил во втором литовском полку, дослужился до полковника и получил орден из рук его величества, короля Польского. По окончании кампании вышел в отставку и поселился в своем имении в Польской Литве.

Тутолмин взял со стола несколько запечатанных писем и показал поляку.

¹² Простите, ваше превосходительство, не понимаю. Я не говорю по-русски (*польск.*). – Вы говорите по-французски? – Очень плохо (*франц.*).

– Пусть расскажет, что за бумаги вез, кому и от кого.

Поляк слова заговорил, увлекаясь своей речью и взмахивая руками; переводчик с испугом посмотрел на генерала. Тот остановил краснбая, выставив вперед раскрытую ладонь.

– Говори толком. Чьи письма? К кому?

Теперь поляк говорил, оглядываясь на переводчика и делая паузы, чтобы тот мог передать его слова. Но словно испытывал терпение Тутолмина: зашел издалека и долго не мог подбраться к сути.

– Станислав Солтан, бывший надворный маршалок литовский, приходится ему свояком... Он был арестован по приказу барона Игельстрёма и содержался в своей деревне как пленный... Он, граф Моравский, выехал для своих контрактов в Новогрудок, там навесил Солтана, а два дня спустя его разбудил эконоом Солтана... Эконом рассказал, что эскадрон русских войск и казаки окружили дом, изломали двери и забрали Солтана вместе с бумагами. Жену же его, урожденную княжну Радзивилл, с испуга разбил паралич, одна дочь его получила конвульсии, а другая горячку... Граф тогда решил ехать в Краков к брату Солтана, Вейсенгофу... Жене же своей он сказал, что хочет ехать к дяде своему, Залескому, в Замостье... Оттуда поехал он к Вейсенгофу, а тот, узнав, что брат его взят русскими, пришел в иступление и, посадив графа в карету, повез его в лагерь Костюшки... Позже Вейсенгоф водил его по Кракову, позволяя обзреть пленных и пушки, взятые у русских. Там же они вместе ходили к Игнацию Потоцкому, который сказал графу, что они ожидают со дня на день прибытия тридцати тысяч австрийских войск и пятнадцати тысяч саксонских, потому как император заключил с Францией мир и хочет сделать своего брата польским королем... Костюшко же, в память покойного дяди его, князя Радзивилла, склонял графа к принятию службы, вручил ему открытое повеление всем генералам, офицерам и солдатам польским и литовским с ним соединиться... Еще он дал ему письма к Грабовскому и Корнатовскому и письмо к князю Сапеге. С ними граф выехал из Кракова, но в четырнадцати милях от него встретился с австрийскими войсками... В трактире один офицер, родом из Галиции, сказал ему, что австрийцы идут не на помощь Польше, а для раздела ее. Встревоженный этим, граф поехал к дяде своему, Залескому, и тот молил его со слезами не присоединяться к Костюшке, а поскорее начать процесс в рассуждении деревень, какие он должен был получить в наследство от князя Радзивилла, имение которого находится теперь в России. Деревни же Залеского теперь принадлежат Австрии... Дядя дал ему наставление сдать в полон первому же российскому генералу или полковнику. В Бресте его остановил караул и отвел к полковнику Чесменскому, которому граф рассказал всё, что с ним было, и еще донес о намерении напасть на князя Лобанова... о чем он узнал от господина Гроховского, которому передал письмо в Красноставе. Чесменский позволил ему отписать своей жене и направил сюда.

Тутолмин пристально посмотрел на поляка. Малый привирает, выгораживая себя. Что в его рассказах правда, а что выдумки? Солтана минский губернатор Неплюев еще до виленских событий выслал в Смоленск по его же, Тутолмина, приказу. Да и про Моравского он что-то слышал... Какой-то он выкинул фортель в Новогрудке... Ладно, пусть с ними со всеми Григорий Михайлович Осипов разбирается в Следственной комиссии, ему и карты в руки.

– Этого молодчика покормить и сим же часом отправить в Смоленск, да под крепким караулом, глаз чтоб с него не спускали! – приказал адъютанту. – А ты, братец, – обратился он к поручику, – вот эти бумаги мне переведи.

Моравский запротестовал, снова начал махать руками, что-то выкрикивал про свою жену... «Понимает, однако, по-русски-то», – отметил про себя Тутолмин. Графа увели.

Перевод был готов на следующий день. Из писем становилось ясно, что Костюшко назначил Моравского главнокомандующим повстанческими силами в Литве, присвоив ему чин генерал-майора (во как! В одном чине, значит, с ним ходим!) и приказывал объединяться с ним и повиноваться ему. «Те же, кто первыми выступят с корпусами для вступления в наш священ-

ный союз, примут в награду командование оными корпусами». Так-так. Некому, значит, командовать-то. Нет офицеров знающих, опытных, закаленных в боях, горлопанство одно. Генерал артиллерии Казимир Нестор Сапега, посол от Литвы на Четырехлетнем сейме, что Конституцию принял, видно, сам отказался от должности главнокомандующего. На безрыбье и Моравский генерал... «Как вооружить и обучить селян, о том генерал Моравский даст вам полную информацию...» В недавнюю Шведскую войну Тутолмин сам собирал ополчение для укрепления галерного флота, знает, что это такое. Чем вооружить? Косами, насаженными на древки, точно пики? Может, в паре стычек с мелкими отрядами такая «армия» ещё и победит, но против артиллерии и регулярных войск не выстоит. Обучить... За неделю сего не сделать. Солдат, ежели он хорошо обучен, не думает, как мужик. В бою он не должен щадить ни врага, ни себя, помышлять только о победе, а у мужика все мысли о деревне, о семье, о том, кто урожай соберет, кто его детей накормит. Побегут мужички, ох побегут... Что еще он там пишет? «Никогда полякам оружие неприятелей их страшно не было бы, если бы сами, между собою быв согласны, ведали свою силу и знали, как оною действовать... Во многократных случаях, когда поляк противу тиранства брался за оружие, смелость поляков всегда оканчивалась тем, что побежденный им неприятель возвращался новым победителем, налагая иго на его плечи. Отколь же происходит в Речи Посполитой сей переворот, если не от того, что хитрость московских интриг, быв сильнее оружия, погубляла завсегда поляков их же единоземцами...» И сего за месяц не исправишь. «Нынешнее народное восстание желает возвратить Польше вольность, целостность и независимость, предоставляя народу учреждать, под каким он соизволит быть правлением». Ишь ты. «Свободные жители, за собственное счастье сражаясь, никак не могут сомневаться в победе». Ну-ну.

Кто они – свободные-то жители? Всех свободнее голь перекатная, у которой нет ничего. Но у нее, как правило, и совести нет. А так каждый боится что-то потерять, а где есть страх, там свободы не бывает. С другой стороны, драться насмерть можно лишь за то, что имеешь и чего утратить не хочешь или за то, что мнишь получить. А бывает и так, что обрести нечто можно, лишь отняв его у другого. Конституцию в Варшаве приняли, отняли у магнатов право вето – те в крик. Русские войска в Польшу привели и у конституционалистов, что пеклись о равенстве между шляхтой и мещанами, отняли имения. Теперь вот беспоместные взяли верх, народ бунтуют, грозятся жизнь отнимать. А что сулят взамен?.. Через два дня после восстания в Варшаве староста деревни Раковцы под Поставами, в Витебской губернии, шляхтич Городенский, собрал мирской сход, встал перед ним на колени, прилюдно присягнул на верность Костюшке, а после принуждал всех прочих тоже присягать, грозя виселицей и приставляя к груди мужиков пистолет. А Костюшко тут пишет: «Скажем, что народ теперь состоит под опекою национального правления, что угнетенный человек имеет защиту в порядковой комиссии своего воеводства, что притесняющий защитников Отечества яко неприятель и изменник Отечества казнен будет!» Небось Городенский бы своим мужичкам такого письма читать не стал бы! Ох, дождётесь вы у себя пугачевщины... Сам-то Тутолмин повидал всякого, когда служил в Чугуевском полку, в корпусе генерала Голицына, – и усадьбы разграбленные да спаленные, и помещиков, болтающихся в петле, и поруганных жен и дочерей помещичьих... Матушка-императрица повелевает сердца польских и литовских мужиков уловлять, дабы привлечь их на свою сторону. Мужики нужна земля да лошадь, да корова-кормилица, а панская свобода ему всегда боком выходила. Ярмо ему ослабить – он сам сих борцов за свободу на вилы подымет. Некоторые уж за межу перебегают: русские-то помещики в Смоленской губернии часто оброком довольствуются, на барщину не гоняют, а австрийский император помещикам в Галиции холопов произвольно наказывать и казнить не велит...

Запечатав все переводы в один пакет, Тутолмин приказал доставить его с нарочным в Санкт-Петербург.

* * *

– Отечество? Что такое отечество?

Принц Нассау-Зиген поставил на стол пустой кубок и медленно вращал его между пальцами. В последнее время он стал замечать за собой, что после обеда и двух-трех бокалов вина его тянет пофилософствовать.

Корчма была набита галдящими прусскими офицерами; разговор между принцем и Оде-де-Сионом всё равно никто бы не подслушал, да и говорили они по-французски. Нассау нравился этот савояр: умный, многое повидал, схватывает на лету, приметлив, но не болтлив.

Разбитый поляками отряд русских во главе с Игельстрёмом явился в Повонзки, в лагерь прусского короля, две недели назад – 19 апреля. Из более чем четырехсот человек, защищавших посольство на Медовой, пробиться сумели двести пятьдесят, и то лишь благодаря четырем полковым пушкам: двумя расчищали себе дорогу, двумя прикрывали арьергард. Николай Зубов на следующий же день выехал в Петербург, и Нассау-Зиген тайком передал с ним шифрованное донесение для императрицы, которая поручила ему присматривать за Фридрихом-Вильгельмом, бесталанным сыном своего великого отца: уж больно ненадежен союзник.

После раздела 1792 года Пруссии отошли западная Великая Польша и северная Куявия. Пруссаки начали наводить там свои порядки: закрыли доступ к основным должностям для всех, кроме немцев, отменили привилегии для мещан, дарованные Конституцией 1791 года, перевели крестьян под юрисдикцию чиновников. Поляки возроптали, и Костюшко собирался нанести первый удар в Лодзенском воеводстве, тем более что крестьяне, решившие было, что они больше не холопы своих панов, были жестоко образумлены пруссаками. Но тут Игельстрём издал приказ о сокращении вдвое численности польских войск и о том, чтобы поляки записывались в российскую армию. Кавалерийская бригада Антония Мадалинского отказалась ему подчиниться и двинулась на Варшаву; сформирована она была в Великой Польше и потому состояла теперь по большей части из подданных прусского короля. Екатерина направила в прусский лагерь Нассау-Зигена для «координации действий союзников», а на самом деле для того, чтобы узнавать о планах Фридриха-Вильгельма из первых рук.

Появление в лагере тезки принца, Шарля Оде-де-Сиона, тоже успевшего послужить и пруссакам, и полякам, а теперь российской императрице, стало для него подарком судьбы: они быстро поладили, и Нассау начал давать савояру деликатные поручения. Оде же был счастлив услужить человеку, при жизни ставшему легендой: о принце, объехавшем весь мир с экспедицией Бугенвиля, сражавшемся с пиратами и турками, не говоря уже про дуэли, уцелевшем при взрыве батареи в Гибралтаре, лично знавшем всех королей Европы и даже имевшем интрижку с женой таитянского вождя, ходили самые невероятные рассказы. Ничего удивительного, что когда на Нассау, как сейчас, накатывало желание выговориться, он находил в Оде внимательного слушателя.

– Что такое отечество для нас с вами? – развивал свою мысль Нассау. – Вот я: немецкий принц, родившийся в Париже от матери-француженки, испанский гранд, польский магнат, женат на польке и служу России. По-русски знаю всего два слова...

– Какие? – живо поинтересовался Оде, не понимавший по-русски вообще.

– Pirog и griby.

– И что это значит?

– «Вперед» и «греби».

Оде-де-Сион повторил эти слова про себя несколько раз, стараясь запомнить.

– Так где же мое отечество? В Вестфалии, где я никогда не был? Но Зиген теперь захвачен французами. Во Франции? Но революционеров я своими соотечественниками не считаю; те же, кого я могу так именовать, ныне в Кобленце. В Польше? Мой дворец в Варшаве шесть

лет назад сгорел. Знаете, как называется улица, где он стоял? Дынасы. Так они произносят «де Нассау». Крым? Мои владения в Массандре (я ведь насадил там виноградники – хотел возделывать свой сад, как учит Вольтер) отошли в казну за долги. Мне шестьдесят лет, Шарль. Мое отечество – это весь мир. Вернее, нет, не так: мое отечество – это я сам. И вы такой же: родились в Савойе, живёте в Польше, женаты на немке... Кстати, есть какие-нибудь новости?

Оде покачал головой, показывая, что уверенным ни в чем быть нельзя.

– Верный человек сообщил мне, что Каролина жива, родила сына... неделю назад... Имение разграбили подчистую, но ее, по счастью, не тронули. Но как она там одна... Ей всего двадцать два года... И дочка, наш первенец, умерла младенцем...

– Ничего-ничего, – Нассау ободряюще похлопал его ладонью по руке. – Вот увидите, всё будет хорошо. Парадокс жизни заключается в том, что она продолжается при самых не подходящих для нее обстоятельствах и обрывается при самых благоприятных. Уж поверьте мне, я знаю.

Глубоко посаженные серые глаза принца были удивительно прозрачными и притягивали к себе; в них хотелось смотреть, как в чистый источник. Оде знал о прозвище Нассау – Неуязвимый, но подумал, что ему больше подошло бы другое – Непостижимый.

Компания офицеров за соседним столом разразилась громоподобным хохотом, но принц даже не посмотрел в их сторону, как будто никого, кроме них двоих, здесь не было.

– Так вот, на таких людях, как мы с вами, и держится мир, – продолжил он серьезно. – Мы сами выбираем себе отечество, и наши достоинства и недостатки принадлежат только нам самим, не являясь унаследованными от нации или страны, которую мы считали бы своей матерью.

Перед мысленным взором Оде промелькнуло, как в калейдоскопе, несколько картин: круглый донжон замка Фаверж за серой каменной стеной, с наверхия которой вечно сыпалась черепица; поросший лесом конус горы Сюлан с проплешинами снега, скошенный зуб Ла-Турнетт, сахарная вершина Монблана, проступающая на фоне лазоревого неба в ясную погоду... Покрытый мелкими водоворотами ручей Глиер, который деревья в долине ревниво укрывают своими ветками... Средневековое аббатство Таллуар, слепые башни отражаются в зеленой воде Роны... Говорят, два года назад Таллуар спалили французы...

– Способность оторваться от материнской юбки – вот что ценится и в человеке, и в нации, – разглагольствовал Нассау. – Мы сами себе отечество, и мы несем его всюду с собой. Италия – это итальянцы, Франция – французы, Германия – немцы. При любом дворе мира найдутся итальянские живописцы, певцы и музыканты; они создают Италию вокруг себя и живут в ней, находясь при этом в Берлине, Петербурге или Варшаве. Вся Европа говорит по-французски, и люди со средствами вплоть до Стамбула выписывают к себе французских поваров, садовников, парикмахеров, виноделов, чтобы те воссоздали у них частицу Франции. В любой академии наук найдутся немецкие химики, физики, философы и инженеры. А кто такие русские, спрошу я вас?

Оде пожал плечами и слегка улыбнулся, показывая, что ответить на этот вопрос ему затруднительно. Но ответа и не требовалось.

– У русских ничего этого нет, но они хотят всё это иметь. Они учатся у итальянцев, немцев, французов, и когда-нибудь у них будет своя литература, музыка, живопись, наука и промышленность. Но пока они могут только покупать чужое, а для этого им нужна их земля – источник их богатства. Русские без своей земли – ничто. Во Франции они сразу начинают подражать французам, в Германии – немцам. Русские умеют отважно умирать, этого у них не отнимешь. Вы знаете эпитафию на Людовика XVI, которую написал бывший паж королевы граф де Тилли? «Король умел любить и умирать. А мог бы править, кабы мог карать». Так вот, это сказано про русских: они умеют любить и умирать, а правят ими те, кто не знает жалости. Страна – источник их могущества; чем больше страна, тем больше могущество, а чем они

сильнее, тем больше их страна, потому-то они постоянно воюют: за выход к морю, за новые территории. Отняли у турок Крым, у поляков Литву. И это не предел: им нужна Финляндия, а еще императрица Екатерина грезит о константинопольском троне для своего младшего внука.

– Но ведь это не может продолжаться бесконечно? – подал голос Оде.

Нассау согласно кивнул.

– Когда-нибудь это прекратится. Вы слышали про мой проект похода в Индию, в империю Великих Моголов? Покойный князь Потемкин сделал всё, чтобы он не состоялся. Так что они всё-таки останутся. Но не при нашей жизни. И можете мне поверить, что этой войной дело не ограничится, а прошлогодний раздел Польши – не последний, и Россия отхватит себе самый большой кусок.

– А поляки? – спросил Оде. – Вот уж кто любит свое отечество!

– Отечество поляков – их славное прошлое, – возразил Нассау. – Конечно, прошлое есть у всех, им можно гордиться, его можно стыдиться, но нельзя забывать, что оно тебе не принадлежит, поскольку было создано не тобой. Нельзя идти вперед, постоянно оглядываясь назад. Знаете, что сделал король Понятовский после встречи с императрицей Екатериной накануне последней войны с турками? Кстати, это я устроил ему ту встречу... Satis. Так вот, он установил в Лазенках памятник Яну Собескому, спасителю Вены от турок. Как будто одним лишь патриотическим воодушевлением можно создать боеспособную армию. Они так носились со своим прошлым, что лишили своих детей будущего. Отечество... Отечество – это мы, Шарль. Мы сможем создать его для наших детей, где угодно. Но если мы сами – пустое место, то и отечества не будет ни у нас, ни у них...

* * *

Карету раскачивало из стороны в сторону и подбрасывало на ухабах. Изабелла была бледна, на лбу и верхней губе выступила испарина; Михал ласково сжал ее холодную руку, спросил взглядом: не остановиться ли, но она сделала вялый отрицательный жест левой рукой и бессильно уронила ее на колено.

Что за дороги, Создатель! Английские каретники всегда интересуются у заказчика, для каких мест предназначен экипаж: для езды по мягкому проселку, по булыжникам городских мостовых или для континента? В последнем случае карета должна быть еще крепче городской, потому что на континенте ужасные дороги – там, где в Англии достаточно двух лошадей, в прочих странах запрягают шестериком! И это они имели в виду французские и немецкие дороги, которые в сравнении с польскими ровны, как скатерть. Почему не позаботиться о том, что приведет к общей пользе? Во Франции при Людовике Возлюбленном крестьян, проживающих вблизи дорог, обязали дважды в год их ремонтировать под надзором инженера. Королевская повинность. Бесплатный труд свободных крестьян в течение нескольких дней в году потом припомнили королю как пример его произвола и издевательства над народом. А в Польше, где крестьяне – бессловесный скот, дорог почему-то сделать нельзя. Хотя зачем их строить? Чтобы облегчить передвижение иностранным армиям, которых сюда приводят то одни, то другие?

В России дороги тоже плохие. Хотя зимой, когда ляжет снег и можно ездить на санях, они хороши. От Москвы до Петербурга дорогу уложили бревнами, зимой весь путь можно проделать за три дня, а курьер успеет и за два. Но Михал Клеофас Огинский ехал в Петербург через Ригу... Из Варшавы.

Возвращение в Варшаву в девяносто втором году из Голландии, куда король отправил двадцатичетырехлетнего Огинского полномочным послом, наградив орденом Белого орла вслед за орденом Святого Станислава, было болезненным. Как всё переменялось! После воодушевления Четырехлетнего сейма – подавленность и обескураженность. Понятовский из орла превратился в мокрую курицу. Когда Огинский зачитал ему Декларацию Великого княжества

Литовского против Тарговицкой конфедерации, отпечатанную в Гродно, под которой подписались сотни уважаемых людей, король только и смог выдать из себя: «Это хорошо, очень хорошо, но не боятся ли они все скомпрометировать себя и подвергнуться преследованиям, если положение дел обернется против нас?..» Михалу стало ясно, что дело уже проиграно...

Все, кто считал себя птицами высокого полета, воспользовались крыльями и улетели куда подальше. Дядюшка Михаил Казимир жил в Париже в долг под залог семейного герба и просил его, Михала, как-нибудь выцарапать из лап двуглавого орла фамильные земли под Мстиславлем, а теперь еще и под Минском, приняв на себя заодно и долг в восемь миллионов злотых... Брошенную Огинским гетманскую булаву проворно подобрал Шимон Коссаковский, к которому и пришлось идти на поклон. Зачем он только согласился? Так был уверен в своей правоте... И потом – с какой стати отдавать свое имущество бессовестным хапугам и выскочкам?

Надменный Коссаковский в своем русском генеральском мундире был отвратителен и гадок. Великий гетман Литовский *волеизъявлением нации*. Как он кичился этим титулом, которым сам себя и наделил. Хмурил брови, пытался запугать. Сказал, что согласие Михала принять на себя миссию в Голландии от сейма, состоявшего из противников России, навлекло на него немилость императрицы, повелевшей наложить секвестр на земли Огинских в Литве. Михал не попался на его удочку. При чем тут императрица? Коссаковский просто сводит личные счеты. Кстати, его брат-епископ этого даже не скрывал. Он сразу изложил Огинскому все три его «преступления»: не взял секретарем посольства в Голландию Юзефа Коссаковского; допустил, что во время большого публичного собрания в его доме некто выкрикнул: «Епископа Коссаковского на фонарь!»; написал письмо председателю суда Литвы, из-за чего свояченица Коссаковского проиграла процесс. *Risu emogior*¹³. Феликс Потоцкий и Казимир Сапега, великий канцлер литовский, уверяли Огинского, что вопрос о секвестре его земель в генералитете даже не поднимался. Это Коссаковские вымогают деньги, обещая употребить свое влияние для снятия вымышленного секвестра. В самом деле, епископ Юзеф заставил Михала подписать отказ от имения с доходом в две тысячи польских флоринов в пользу одного из друзей семьи Коссаковских и два векселя на двести тысяч каждый, деньги по которым получил бы его брат-гетман. Огинский отправился в Петербург, чтобы искать справедливости там.

Той осенью его Полонез фа-мажор, написанный ещё в Лондоне, исполняли на всех балах, и когда сам автор прибыл в столицу следом за своим произведением, 22 декабря, императрица Екатерина приняла его предупредительно и любезно. Даже сказала что-то вроде того, что ученик превзошел своего учителя – имея в виду Юзефа Козловского, написавшего «Гром победы, раздавайся!». Этот полонез на стихи Державина, сочиненный на взятие Измаила, впервые исполнили на празднике в Таврическом дворце ровно через шесть дней после принятия польской Конституции... Козловский (теперь уже не Юзеф, а Осип) вошел в моду благодаря покровительству покойного князя Потемкина, а когда-то служил гувернером маленького Михала и возил его к дядюшке Михаилу Казимиру... Огинский был представлен императрице вместе с иностранными дипломатами, а не с депутатами Тарговицкой конфедерации. Предателей презирают все, в том числе и те, кто пользуется их изменой. В петербургских салонах тарговичан старались избегать, а поляки, приехавшие по личным делам, встречали радушный прием.

Пока не наступил Великий пост, все торопились веселиться: придворные праздники, балы, спектакли, званые обеды и ужины, катания на санях – четыре недели суетливого безделья. Потом Михала наконец принял Платон Зубов – преисполненный сознания собственной важности и наверняка уже предупрежденный Коссаковским. Он был двумя годами моложе Огинского, отнюдь не ровня ему, а потому держался особенно чопорно. Императрица весьма огорчена произошедшим *недоразумением*: она и в мыслях не имела секвестировать земли в

¹³ Умираю от смеха (лат.).

Польше, не обладая на это правом. По этому вопросу обращайтесь туда, куда положено по закону. (То есть к Коссаковским.) Иное дело – наследство дядюшки в Белой Руси, ведь жители этой провинции – подданные ее величества. Этот вопрос тоже можно было бы решить, отдав приказ генерал-губернатору Пассеку. Но, согласитесь, неудобно начинать знакомство с императрицей, выставя какие-то претензии или подавая просьбу. Вы, человек высокого рождения, обладающий великим состоянием и неменьшим талантом, не можете отказаться от счастья служить своему Отечеству ради неких филантропических идей. Революционных идей.

Все эти слова были явно заученными. Зубов пел с чужого голоса.

Огинский еще раз мысленно повторил свои ответы, поскольку был ими очень доволен: он приехал не искать милостей у императрицы, а добиваться справедливости; никакого вреда России он не причинил и не может быть наказан за то, что выполнял свой долг, служа своей родине. Незаконный секвестр его земель, возможно, и *недоразумение*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.